

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДИАНА УДОВИЧЕНКО

ИСТОРИЯ БАСТАРДА. ИМПЕРСКИЙ ЯСТРЕБ

Диана Д. Удовиченко
Имперский ястреб
Серия «История бастарда», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181431
История бастарда. Имперский ястреб: Фантастический роман:
АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2008
ISBN 978-5-9922-0265-6*

Аннотация

Алмазный век кончился. Грядут перемены. Возможно, они станут для империи роковыми. Восстают колонии, могущественные чародеи сходятся в битвах, эльфы грозят войной, а Бездна изрыгает на землю своих непобедимых богов. Ты всего лишь бастард, всеми презираемый изгой, но волею судьбы в твоих руках благополучие страны. И только отправившись в загадочные джунгли Зеленого сердца, ты сможешь отыскать ключ к спасению империи. Так забудь обо всех обидах, спрячь до времени страх и неуверенность и открой свою истинную сущность. Ведь с тобой опытные воины, а за плечом – твой наставник, демон мрака. И вот уже звенят клинки, гибнут верные друзья, а ядовитые джунгли испаряют кровавую росу. Сквозь боль и ужас, сквозь смерть и предательство ты должен пройти к своей цели, вырвать победу, невзирая на то, какой ценой она достанется. Имперские ястребы не сдаются.

Имперский ястреб. История бастарда Роман

Вначале был Хаос, и властвовал он над миром, порождая и вновь уничтожая. И не было ему конца, и времени не было, пока Вселенная не обратила к Хаосу взор Абсолюта. И сошлись в поединке свет и тьма, конец и бесконечность, начало и безначалие. И пространство утвердилось, и зародилось время, и длилось это пятьсот тысяч лет. И встали горы, и реки потекли, и океаны омыли землю. И населили мир звери лесные, птицы небесные, рыбы морские, и прочие твари. И возобладал Абсолют над Хаосом, и породил первую расу – эльфов, ликом светлых и прекрасных, и наградил их великим волшебством и бессмертием. И возобладал Хаос над Абсолютом, и выплюнул свои порождения – орков, злокозненных, алчных и уродливых, и троллей, бессмысленных исполинов. И вновь тянулся поединок, и силы были равны, и еще пятьсот тысяч лет минуло. И появились одна за другой еще три расы: гномы – жители гор, гоблины – жители лесов и болот, и *саймары* – жители морей. И жили все шесть рас, и плодились, и размножались, и истребляли друг друга в войнах. А над ними витали Хаос и Абсолют. И была порождена последняя, седьмая раса – люди. И иссякли силы Хаоса, и

канул он в Бездну, Абсолют же воссоединился со Вселенной.

Такова легенда о сотворении мира. Имя этому юному миру — *Амата*.

* * *

Как все—таки хорошо быть красавцем! Идти по улице, гордо расправив плечи, высоко подняв голову, давая возможность прохожим любоваться тобой, и ловить восхищенные взгляды женщин и завистливые — мужчин. Знать, что каждая девушка только и мечтает, чтобы ты обратил на нее внимание. А еще красивому человеку хочется доверять, слова, сказанные им, звучат убедительно и весомо. Красота открывает любые двери, проникает в сердца и, если умело ею распорядиться, приносит своему обладателю счастье. Но главное — главное, конечно, успех у женщин! Красавчик не станет их завоевывать, он улыбнется и отойдет в сторону, наблюдая, как милые дамы сами борются за его благосклонность. Да, демонски хорошо быть красавцем!

Но это не обо мне. Грустно признавать, но природа не одарила меня особой привлекательностью. Так, ничего особенного. Я уныло изучал свою физиономию в круглом зеркале, которое нашел на столе дядюшки Ге, прикидывая, есть ли у меня шансы добиться расположения Мельды. Слегка перезрелые, но замечательно пышные прелести этой вдовицы уже который месяц занимали мое воображение. Главным же до-

стоинством Мельды была ее бездетность вкупе с добротным домом и хорошим трактиром, доставшимися в наследство от покойного мужа. Жениться бы, прикрыть добрым именем вдовы свою безродность, да жить тихо, сытно, спокойно, торговать вином, по вечерам подсчитывать выручку и обнимать драгоценную супругу. Сначала вдовушка вроде бы принимала мои ухаживания и даже позволяла пару раз похлопать ее по толстенькому задку, но потом в ее сердце прочно обосновался пожилой краснолицый мясник с соседней улицы. Конечно, у него большая лавка и, наверное, изрядные накопления в кубышке. А у меня что? Только я сам, да молодость, да пара штанов. Если бы хоть красавчиком был – так и этого нет. Из зеркала на меня смотрело обрамленное соломенной шевелюрой круглое лицо простолюдина – широкие скулы, крупноватый нос, румянец во всю щеку. Глаза какие—то невыразительные, непонятного серого цвета, а уши и вовсе оттопыренные. Лицо как лицо, таких на улице – пруд пруди, пройдешь и не заметишь. Тело? Ну, с этим—то как раз все в порядке. Жилистое, сильное, поджарое, плечи широкие. Ничего удивительного, сами попробуйте целый день бегать по городу, выполняя поручения хозяина, а по ночам выгружать в порту тюки с контрабандой, которой частенько приторговывает дядя Ге. Но в деле покорения своенравной Мельды одного сильного тела мало. М—да, по всему выходило, что никаких шансов у меня нет.

– Вот ты где!

Спаси меня, *Луг* милосердный! За размышлениями и не заметил, как на пороге воздвигся дядюшка Ге собственной персоной. А ведь он поручил сделать уборку в кабинете! За метлу хвататься уже поздно – милейший дядя успел во всех подробностях разглядеть своего воспитанника, застывшего перед зеркалом с глупейшим выражением на лице. Ну, все: сейчас начнется! И работать—то мне лень, и учиться—то я не хочу, зря ем свой хлеб. А ведь сколько было говорено: овладевай мастерством, сынок, перенимай опыт! Но нет, неблагодарный мальчишка только и может, что витать в облаках. Все, что может сказать мне старый пройдоха, я знаю заранее. Только ерунда это! Охота была день и ночь корпеть над книгами, чтобы сдать экзамен и получить гордое звание: «маг первой степени». Потом придется потратить еще лет этак пяток, чтобы подготовиться к экзамену на вторую степень. Это – предел, за который магу—самоучке не перейти. Для третьей степени нужно заканчивать бакалавриат. Четвертая и пятая присваиваются выпускникам университета, а уж шестая, до которой добираются считанные единицы – это магистратура. Магам шестой степени прямая дорога в Совет – управлять страной. Скажете, неплохая карьера? Возможно, да вот незадача: в университет принимают только отпрысков благородных фамилий. Выходцы из купеческих, мещанских семей, и прочая мелочь имеют право учиться в бакалавриате. Ну, а бастарду, коим является ваш покорный слуга, путь туда заказан. Так что, по—моему, нет смысла ломаться из—

за первой степени, чтобы потом всю жизнь заниматься дешевым гаданием на картах, или составлять микстуры от кашля для свиней где—нибудь в деревне. Нет уж, покорнейше благодарю! Азы магического ремесла я с грехом пополам освоил под руководством дядюшки, а для торговли контрабандным табаком так и вовсе степень не требуется. А вот дядя Ге вполне мог бы добраться до третьей степени, благо он из почтенной купеческой семьи. Так нет же, не захотел тратить свою жизнь на книжную премудрость! Первая степень у него — обхохочешься просто! На самом—то деле, дядя — очень сильный волшебник, такие штуки, как он откалывает, еще не каждому магистру под силу. Просто у него врожденная тяга к незаконной деятельности. Повезло его покойному папаше, что не дожил до наших дней. Впрочем, может, он сейчас в гробу переворачивается, зная, что его сынок что ни день, то нарушает все мыслимые законы о магии, да и не о магии тоже. Вот, кстати, зеркало, которое я держу в руках. Что, интересно, старик с ним сотворил? Заговорил на вызов покойников, или просто зарядил мощной порчей?

Заметив мой подозрительный взгляд, дядюшка добродушно прогудел:

— Да нет, здесь все чисто. Заклинание вечной красоты. Трувисил, купец, для своей дочки заказал. Больно уж она у него страшна! Носатая, волосы жидкие, лицо в прыщах, на губе усы, как у имперского гвардейца. Вот отец и решил: пусть хоть в зеркале хорошенькой побудет.

Заклинание вечной красоты? Что—то я, глядя на себя, никакой такой красоты не заметил!

— Учиться тебе надо прилежней, сынок, — вздохнул дядя, словно прочитав мои мысли. — Это чары персональные, действуют только на одного человека. Остальные видят свое обычное отражение.

— Охота была, — привычно отмахнулся я. — Все равно толку никакого не будет.

— Не скажи, Рик. Если ты насчет своего происхождения переживаешь, так твоей вины в том нет. А судьба иной раз такие повороты делает... сам знаешь, что про Верховного говорят.

О Верховном маге — главе Совета — и вправду ходило множество слухов. Одни говорили, что он эльф—полукровка, другие судачили о его бессмертии, находились и те, кто прозрачно намекал на его демоническое происхождение. Но дядя сейчас, видимо, имеет в виду, что Вериллий — волшебник—самоучка, единственный за всю историю страны член Совета магов, который не имеет за плечами не только магистратуры, а даже университета. Ну, так на то он и гений. Интересно, Верховный действительно такой, каким изображают его на портретах? Больно уж лицо простонародное — нос картошкой, скулы широкие.

— Ступай—ка ты, Рик, отнеси Трувисилу заказ, — бесцеремонно вторгся в мои размышления дядюшка Ге. — Полы потом дометешь. Да не пропадай надолго, сегодня ночью долж-

на прийти «Люсинда», нужно будет забрать кое—что для меня.

С этими словами он взмахнул рукой, и что—то блестящее поплыло ко мне прямо по воздуху. Мастак дядюшка на эффектные фокусы! Я поймал сверкающую вещицу, оказавшуюся серебряной монеткой.

— На обратном пути можешь зайти к Мельде, выпить пивка, — милостиво добавил старикан.

Я завернул магическое зеркало в холщовую тряпку, дабы не привлекать его видом внимания зевак, и поспешил прочь, споткнувшись по дороге об дядиного любимца — черного кота по кличке Бродяга. Имя свое он получил из—за характера, благодаря которому кот частенько пускался в путешествия. Бывало, он отсутствовал по месяцу, затем, когда я уже думал, что зверь бесславно погиб где—нибудь на большой дороге под колесами экипажа, или лошадиными копытами, Бродяга как ни в чем не бывало появлялся на пороге дома. Вид у кота был соответствующий: крупный, поджарый, чтобы не сказать тощий, он был покрыт клочкастой, стоящей дыбом черной шерстью, которую никогда и никому не позволял расчесывать. Одно ухо Бродяги было разорвано, морду пересекали боевые шрамы. Глаза были замечательно желтыми, и горели в темноте как два Ведьминых огня. Кот имел малоприятную привычку посреди ночи пробираться в мою комнату и устраиваться на ночлег у меня на груди, заставляя просыпаться от удушья. Еще он любил вскочить на стол во

время обеда и сунуть нос в мою тарелку. Никакие наказания и угрозы на него не действовали – Бродяга продолжал жить по своим собственным правилам. В общем, он был котом во всех отношениях малопочтенным, но дядюшка почему—то в нем души не чаял. Украдкой погрозив зверюге кулаком, я вышел из дома и отправился в Торговый квартал. Путь предстоял неблизкий, мне следовало пересечь улицу старьевщиков, на которой находится дом дядюшки Ге, выйти на Кольцевую дорогу, а там дожидаться наемную карету, следующую в Восточный луч. Приходилось поторапливаться, время близилось к полудню, а мне еще нужно было успеть вернуться и сделать кое—что по дому. Ночью же кровь из носа надо быть в порту, капитан «Люсинды» не любит, когда задерживают отгрузку контрабандного товара. Боится, что городская стража пронюхает о его неблагоприятных делишках. За контрабанду в Галатоне без долгих проволочек отправляют в тюрьму. Но это бы еще полбеды – живут люди и там, правда, выживают не все. А вот за одну штучку, которая прячется среди табака, тканей и специй, полагается четвертование. Это если повезет. А если судья будет не в духе, то и колесование.

Итак, я бодро шагал по улице Старьевщиков, радуясь солнечному летнему деньку, и предвкушал, как весело пропылю серебряный филлинг в трактире милейшей Мельды. Идти по дороге не хотелось – пыльно, да и долго это. Я решил срезать путь и запетлял между домами. Вообще—то, любому человеку, оказавшемуся в Портовом квартале на улице Старьев-

щиков, я бы так поступать не советовал. Неразумно это — можно нарваться на развеселых моряков, которых у нас имеется в избытке. А уж если вы этим ребятам не понравитесь, то я за вашу жизнь не дам и медного гента. Впрочем, помимо матросов, пропивающих в местных трактирах просоленные от пота и морской воды паунсы и филлинги, в Портовом квартале имеются и другие лихие люди. Коренные жители, например. Этим тоже палец в рот не клади. Если моряки дерутся просто так, из любви к искусству и от широты души, то местные норвят пощипать прохожего за содержимое его кошелька. Не все, конечно. Я, например, никогда себе такого не позволяю. Но все же, повторяю, если вы человек приличный и небедный, вам не стоит ходить по улицам Торгового квартала без надежной охраны или хотя бы доброго оружия. На помощь городской стражи можете не рассчитывать: синие мундиры и сами побаиваются сюда заходить. Конечно, если вы могущественный маг и уверены в своих волшебных силах, то добро пожаловать на наши живописные улицы, вдыхать аромат рыбной требухи и немых тел! Но помните: на каждого мага довольно простоты. Впрочем, я хожу по родному кварталу безо всякого страха: я вырос здесь, и меня знает каждый босяк. Отношения с лиходеями у меня дружеские. Конечно, несколько раз случались неприятные стычки, но, отведав моего кулака и пару—тройку простеньких заклятий, местные решили оставить меня в покое.

Нет, конечно, живут в Портовом квартале и люди вполне

порядочные — дядюшка Ге, например, или та же трактирщица Мельда. Но богатыми их никак не назовешь. К тому же улица Старьевщиков, на которой стоят дома этих самых благодетельных горожан, находится в самом начале квартала, почти на выезде из него. А вот заходить вглубь, на ту же улицу Блудниц, или в тупик Голодных псов, никому не советую. Разденут, разуют, отберут все, что при вас имеется, а потом будете благословлять всех богов Аматы за то, что сохранили вам жизнь.

Я выбрался из переулков Портового квартала и зашагал к центральной дороге. Хорошо бы пролетка, следующая в Торговый квартал, подошла сразу. Странно все—таки устроен наш городок.

* * *

— Все готово?

— Да, ва...

— Тише, никаких имен и титулов! Не забывай, что ты—то не владеешь мыслеречью! Кайлар о чем—нибудь догадывается?

— Нет, работает вслепую.

— Хорошо. Позаботься о нем.

— Наши люди подстрахуют.

— Ты понимаешь, что отвечаешь головой за успех предприятия?

– Да...

* * *

Если орлу, парящему высоко в небе над *Виндором*, вдруг взбредет в его птичью голову странная идея разглядеть город повнимательней, то он увидит огромную четырехлучевую звезду, ограниченную крепостными стенами. Лучи направлены строго на четыре стороны света. Какой безумец придумал такое? Дальний предок нашего императора. Пятьсот лет назад Ридриг первый, которого прозвали Просвещенным, решил перенести столицу из древнего *Лендсона* в небольшой торговый городок Виндор. Зачем ему это понадобилось – один Луг ведает. Может быть, хотел прославиться в веках, а может, решил начать историю своей династии с чистого листа, в новой столице – кто его знает? Известно одно: Ридриг первый был королем неплохим, в меру милостивым и в меру справедливым, и народ во времена его правления восставал всего два раза. Именно он превратил Галатон, бывший в то время небольшой страной, в огромную могущественную империю, присоединив к ней земли баронств, пяти герцогств, и отвоевав у *Парганиии* многочисленные колонии Южного континента. Но монарх был одержим идеей построения просвещенной империи, все подданные которой будут равны между собой. Формально, разумеется. То есть, ни сословия, ни разделение на богатых и бедных он, конечно,

отменять не собирался, но хотел узаконить равные возможности для всех галатонцев. Именно это и должен был символизировать заново отстроенный Виндор: единство и равноправие науки, ремесел, торговли и, конечно, морского дела, которым кормится добрая половина горожан. Четыре луча звезды одинаковы по величине. В Северном луче расположены кварталы ремесленников, Восточный отдан торговцам под лавки. В Южном обосновалась наука – там находится университет, городская библиотека, а также живут почти все практикующие маги, ну, а Западный луч своим острием упирается прямо в порт. В центре Виндора находится императорский дворец, шпиль которого виден из любой точки города, дома знати, а также величественное, затмевающее красотой даже резиденцию монарха, здание Совета магов. Все это великолепие заключено в идеально круглое кольцо дороги, от которой четырьмя ровными полотнами тянутся пути в каждый из лучей.

Мне предстояло отправиться в Восточный луч, он же Торговый квартал. Когда я вышел к Кольцевой дороге, солнце уже жарило вовсю. На пяточке, около которого останавливались пролетки, народу было не так уж много, и я надеялся, что влезу в первый же экипаж. Рядом со мной на большой плетеной корзине восседала грузная тетка. Этой явно со мной по пути – наверняка везет в лавку зелень, или, может быть, какое—нибудь рукоделие. В паре шагов от нее с покаянным видом переминался с ноги на ногу прыщавый юнец

в одежде бакалавра. Понятно: мальчишка загулял с какой—нибудь смазливой блудницей, злоупотребил кислым дешевым вином из Солнечного края, и проспал занятия. Теперь вот спешит в Южный луч, по пути придумывая для себя достоверное оправдание. А вон тот коренастый мужчина с суровым лицом, скорее всего, направляется в Ремесленный квартал. Грубые шершавые руки, мощные квадратные плечи, кожа, приобретшая красноватый оттенок из—за постоянного жара наковальни, выдают в нем кузнеца или оружейника. Парочка миловидных, но отнюдь не благонравных девиц в слишком откровенных для дневной прогулки платьях, должно быть, едет туда же, куда и я. Жрицы *Неи* хорошо поработали ночью, а теперь решили истратить денежки на милые женскому сердцу мелочи в лавках парфюмеров, башмачников и торговцев одеждой. Так я от нечего делать оглядывал стоящих рядом людей, пытаюсь угадать, куда и зачем они направляются. Все какое—то развлечение. Только об одном человеке я не мог предположить ничего определенного. Это был худощавый мужчина в серой, незаметной одежде. И сам он был какой—то серый и незаметный. Русые волосы, блеклые глаза, невыразительное лицо. Такого увидишь и сразу же забудешь, а потом даже не сможешь его описать. И возраст его определить было невозможно: с одинаковым успехом ему могло быть и тридцать, и пятьдесят. Держался он особняком, стоял в стороне от остальных, старательно отворачиваясь, и, казалось, немного нервничал. Сплета руки с тонкими длин-

ными пальцами в замок, худощавый выжидательно смотрел на дорогу. Вскоре подкатила шестиместная пролетка, кучер лихо натянул вожжи и остановился. Жаль, не моя. На передней стенке прибита большая медная бляха с чеканным изображением перекрещенных молота и шила – герб Гильдии ремесленников. Коренастый кузнец, или оружейник, с облегчением отер пот со лба и полез в экипаж, шепотом благословляя труженика *Дадду*. Щелкнул кнут – и счастливец отбыл в родной Северный луч. Следом около жаждущих уехать остановилась еще одна пролетка, на сияющей начищенной бляхе которой красовались звезда, раскрытая книга и лежащий поперек нее жезл – символы Гильдии магов. Прыщавый мальчишка засуетился, подобрал полы длинного одеяния – и как только они умудряются в них ходить? – и скрылся в душном чреве пролетки. Через окно было видно, что сидящий в экипаже длинноносый пожилой волшебник очень оживился при появлении парня. Не повезло будущему бакалавру, видно, наткнулся на одного из наставников. Сейчас всю дорогу будет слушать лекцию о моральном облике современного мага. По всему выходило, что следующая пролетка будет именно той, которая мне нужна. На пяточке остались юные блудницы, тетка с корзиной и я. Худощавый был не в счет: по—видимому, он вовсе не собирался никуда ехать, напротив, отошел от нас как можно дальше, не сводя внимательного взгляда с дороги, по которой проезжали груженные всякой всячиной телеги, неторопливо следовали торговые обозы, проно-

сились роскошные кареты аристократов и летели куда—то всадники. Что вы хотите? Столица! Движение у нас плотное. Поведение худощавого меня заинтриговало: зачем, скажите, на милость, тереться около дороги, если не собираешься никуда ехать? Впрочем, тут же подумалось, что мужчина, возможно, просто ждет, к примеру, своего знакомого. Но почему тогда так нервничает? Да очень просто: переживает из—за того, что тот задерживается. Почти потеряв интерес к человеку в сером одеянии, я принялся перемигиваться с хихикающими девками, которые, судя по лукавым взглядам, высоко оценили мою молодецкую статью и широкие плечи. Я уже собрался было подойти к шалуньям и представиться по всей форме, а потом и спросить, в каком из домов знаменитой улицы Терпимости их можно найти, как вдруг почувствовал легкий холодок, коснувшийся позвоночника, в том месте, где спина переходит... ну, сами понимаете, во что. Обратная тяга! Знакомое ощущение: словно слабый, еле заметный ветерок проносится мимо тебя, обдавая холодом. В любом учебнике описано это явление. Обратная тяга — признак творимого рядом боевого заклęcia. Почему—то считается, что почувствовать ее может только очень могущественный маг, причем потомственный, предки которого тоже принадлежали к волшебному сословию. Так говорит и дядюшка Ге. Не знаю, не знаю, как получилось, что жалкий бастард, не помнящий ни отца, ни матери, нахватавшийся поверхностных знаний у своего воспитателя, обладает этим даром, но

ощущаю Обратную тягу всегда.

Я быстро и осторожно оглянулся по сторонам, пытаюсь определить, кто это рискнул воспользоваться боевой магией среди бела дня, недалеко от центра, можно сказать, под носом Совета магов. За такие шуточки немудрено угодить прямиком в подвалы Счастливого местечка, не приведи Луг, в лапы самих Имперских псов! А вот и наш самоубийца. Ну, конечно, тот самый подозрительный худощавый. Отошел подальше от дороги и замер в неподвижности. Чуткие пальцы плетут хитроумную вязь. Холод в спине усилился, невидимая игла пронзила позвоночник болью, видно, непростое заклятие создает *кайлар*. Интересно, на кого это он охотится? Дорога почему—то опустела, исчезла бесконечная вереница экипажей и всадников. Вдали показалась темная точка, руки убийцы заплесали быстрее. Точка быстро приближалась, и вскоре превратилась в простую черную карету, запряженную четверкой вороных. Кучер размахивал кнутом, не жалея великолепных коней, и карета неслась по пустынной дороге с огромной скоростью. Кайлар вытянул руки вперед, не сводя глаз с экипажа. Значит, именно там находится несчастный, за смерть которого было заплачено звонкой монетой. Неожиданно я ощутил злость: что же это творится в нашей империи, если вот так просто, на глазах изумленной публики, может свершиться убийство? И кстати, что станет с этой самой публикой потом? Кайлару не нужны свидетели. И даже если он оставит нас в живых, то всех отволокут в Счастливое ме-

стечко, чтобы было на кого повесить вину за бурную деятельность вражины. Больше чем уверен: сразу же после того, как незнакомец скроется, здесь появится городская стража, которая имеет обыкновение прибывать слишком поздно. И кому же припаяют это преступление, угадайте с трех раз? Двум легкомысленным красоткам? Вряд ли. Тетушке с корзиной? В такое не поверят даже Имперские псы. И кто же остается? Правильно! Подозрительный во всех отношениях здоровенный бастард. Ну уж нет! Я прикинул расстояние между магом и каретой, затем между собой и магом. Выходило, от меня до него около десяти шагов. Не успею. Он уже сплел заклятие, и теперь стоял, приоткрыв рот, готовясь уронить с тонких губ заключительную фразу, которая активирует волшебство. Между тем карета приближалась, еще пара секунд — и она поравняется с кайларом. Я непроизвольно дернулся, еще не понимая, что могу сделать. Что—то с легким шорохом упало в пыль. Ткань, закрывающая зеркало. А я и забыл, что держу его в руках! Черный экипаж приблизился настолько, что через узорное окно *журженьской* работы различался силуэт несчастного, для которого и было сплетено боевое заклятие. Худошавый приподнял кончики губ в торжествующей усмешке, прошептал несколько слов и резко встряхнул кистями рук. Не задумываясь и не рассуждая, я ринулся наперерез сорвавшейся с пальцев кайлара волшбе, зачем—то выставив перед собой лишенное упаковки зеркало. В тот миг, когда смертельный вихрь должен был врезаться в ка-

рету, я совершил головокружительный прыжок, сделавший бы честь любому игроку в мяч, и загородил зеркалом окно. Жажнуло так жажнуло! На секунду я ослеп от непередаваемо яркой вспышки, которую породили отраженные чары, затем чуть не оглох, когда разъяренная преградой магия ринулась обратно. Заржали лошади, испуганно закричали девицы на пяточке. Я сжался в комок и зажмурился, ожидая, что кайлар, разозлившись, сплетет новое заклятие, теперь уже для меня. Какое—то время ничего не происходило, и я рискнул открыть глаза. Первое, что увидел – мельчайшие осколки под ногами. Зеркало, не выдержав столь непочтительного обращения, превратилось в мелкое крошево. Некоторое время я бессмысленно пялился на осиротевшую раму, затем отшвырнул ее в сторону. Да, видно, не суждено дочке Труви-сила полюбоваться своей красотой. Что—то скажет дядюшка Ге!

– Ох, спаси нас, Луг милосердный! – запричитала пожилая торговка. – Гляньте, что творится! Головы—то у него и нету!

Я испуганно ощупал обеими руками голову, и, убедившись в ее наличии, обернулся. Картинка была та еще: незадачливый кайлар бесформенным кулем лежал в пыли обочины. Голова действительно напрочь отсутствовала, дотла сожженная отраженным заклятием. Значит, убийца пытался воспользоваться «Поцелуем саламандры». Опасная штука. На плечо легла чья—то тяжелая длань.

– Прощу за мной, сударь, – проговорил внушительный голос, заставивший меня вздрогнуть и оглянуться.

За моей спиной вырос высоченный детина в черном, по фасону напоминающем офицерский мундир, костюме. Вот только знаков отличия не было. Физиономия каменно непроницаемая, внимательные глаза испытующе вглядывались в мое лицо. От такого не убежишь. Неужели *имперский пес*? Похож, но у тех мундирчики серые.

– За мной, сударь! – повторил он и кивком указал на злополучную карету, которая, остановилась шагах в двадцати от меня.

Пришлось, проклиная свою невесть откуда взявшуюся резвость и мысленно моля о заступничестве всех богов Аматы, плестись за каменнолицым к черному экипажу, который теперь казался зловещим и опасным. Детина вежливо подсадил меня и плотно захлопнул дверь, оставшись снаружи. Сквозь причудливый рисунок стекла видно было, что он, сложив руки на груди, встал перед каретой, загородив дверцу своей грудью.

Внутри экипаж выглядел гораздо богаче и солиднее, чем снаружи. Его стенки были обиты золотистой тканью. Мне даже сначала показалось, что это – не что иное, как драгоценная эмиратская парча, но я сразу отбросил эту мысль, как безумную. Такую роскошь может себе позволить разве что августейшая особа. А на нее, по моему мнению, сидящий на бархатном диванчике человек ну никак не тянул. Хотя,

по всему видно, господин он знатный и богатый: взять хотя бы дорогое сукно его черного мундира. Кстати, тоже без всяких знаков отличия. Человеку, рассматривавшему меня с благожелательным интересом, было на вид лет пятьдесят. Тонкие черты лица, обрамленного небольшой ухоженной бородкой, внимательные карие глаза, благородный нос с горбинкой. Где—то я его видел. Господин жестом указал мне на диванчик напротив, я присел, с облегчением выдохнув: стоять скрючившись в низкой карете при моем росте было не очень—то удобно.

– Вы не поранились? – спросил мужчина.

Голос мягкий, бархатистый, очень приятный. Но чувствуются в нем нотки человека, привыкшего повелевать. Как же его титуловать—то?

– Нет, – кратко ответил я, решив, что лучше проявить невежливость, чем ошибиться. Кто его знает, назовешь его сиятельством, а он какая—нибудь светлость. Может и обидеться.

Впрочем, человек не проявил никаких признаков недовольства, улыбнулся и продолжил:

– Вы сохранили мне жизнь. Назовите свое имя, чтобы я знал, кому обязан чудесным спасением.

– Рик, добрый господин.

Мой собеседник выжидательно приподнял брови и немного помолчал. Так и не услышав продолжения, учтиво уточнил:

– А дальше? Каково честное имя вашего рода?

Ну вот, опять! Как же я ненавижу такие вот моменты! Сейчас меня быстренько выкинут на улицу, наградив на прощанье пинком, чтобы не смел своим худородством марать кареты знатных горожан. Я разозлился и, нагло глядя в глаза вельможи, ответил:

– Бастард. Рик бастард, добрый господин.

Все. Слова были произнесены. Однако, против ожидания, мужчина ничуть не разгневался, а даже, кажется, развеселился.

– Я буду вечно помнить оказанную услугу, Рик бастард. Вы увидите: я умею быть благодарным.

Теперь я застеснялся. Привыкнув к всеобщему презрению, трудно остаться спокойным, когда с тобой разговаривает на равных, да еще и благодарит, такой вот аристократ. В носу зашипало, я отвел глаза и, чтобы скрыть смущение, полез в карман, сделав вид, что мне срочно необходимо что-то в нем отыскать. Пальцы натолкнулись на прохладный кружок подаренного дядей филлинга. Прекрасно поняв, какие чувства меня одолевают, вельможа тем временем отвернулся к окну и с интересом изучал голову своего охранника. Я извлек монетку на свет и повертел ее в пальцах. Молнию *Тарантуса* мне в печенку! Так вот где я видел это лицо! Горбоносый профиль, отчеканенный на филлинге, в точности копировал профиль человека, сидевшего передо мной.

– Ваше императорское величество! – возопил я, прикиды-

вая, как бы ловчее бухнуться на колени в тесном пространстве экипажа. Спасенным оказался не кто иной, как император *Галатона* Ридриг второй, прозванный в народе Тихим.

— Ну, не нужно, не нужно, Рик! — остановил монарх мой порыв. — Не кричи, лишнее внимание нам не требуется. К тому же, я путешествую инкогнито. Кстати, — нахмурился он, — хотелось бы знать, откуда кайлару стало известно о том, что карета проедет именно здесь, и именно сейчас?

— Ваше...

— Нет—нет, Рик, это вопрос не к тебе. Скорее, к себе...

Император погрузился в глубокую задумчивость. В это время я мучительно пытался решить для себя непосильную задачу: как поступить? Очень хотелось сбежать как можно дальше, но я боялся, что такой поступок покажется Ридригу невежливым. Наконец, он словно очнулся и с улыбкой спросил:

— Где ты живешь, Рик?

— Портовый квартал, улица Старьевщиков, дом дядюшки Ге, — отрапортовал я.

— Очень хорошо, — непонятно чему порадовался император. — Возьми пока это.

Он стукнул по стеклу, и в карету заглянул охранник. По знаку монарха детина порылся в недрах маленького дорожного сундучка, пристроенного с правой стороны диванчика. И в мою руку лег приятно позвякивающий, восхитительно тяжелый мешочек из черного бархата, украшенный вензелем

августейшего дома.

– Благодарю вас, ваше величество, – проблеял я.

– Это я тебя благодарю, Рик, – добродушно рассмеялся Ридриг.

– Могу я уйти, ваше величество?

– Иди пока.

Я задом вылез из экипажа, сохраняя на лице самое верноподданническое выражение. Он сказал: «иди пока». Что бы это значило? Мы еще увидимся? Не хотелось бы. Ридриг второй – монарх вполне приличный, его называют Тихим за то, что во время его правления Галатон ни разу не воевал. Но я предпочитаю придерживаться одной народной мудрости, гласящей: «Монаршая милость может быть горше гнева». Пока я общался с императором, так сказать, на короткой ноге, тело неудачливого кайлара чудесным образом испарилось, а вокруг того места, где оно лежало, деловито сновали люди в синих и серых мундирах. Ну, конечно! Все, как я и предполагал! Развеселые девицы и тетка с корзиной тоже куда—то делись. То ли дождались своей пролетки и уехали, то ли уже доставлены в Счастливое местечко. Меня, однако, выпустили беспрепятственно. Я развернулся и зашагал туда, откуда пришел – в сторону родного Портового квартала. За спиной раздался разбойничий посвист императорского кучера, а затем грохот отъезжающей кареты.

Удалившись от Кольцевой на приличное расстояние, я с любопытством заглянул в подаренный мешочек и остановил-

ся, утирая со лба пот и переводя дыхание. Содержимого кошелька могло хватить лет на десять безбедного существования, потому что он был доверху, под самую завязку, наполнен золотыми паунсами! Возблагодарив Луга и его наместника на земле — императора Ридрига второго, я туго затянул мешочек шнурком и с большим трудом засунул его в карман штанов. Правая штанина сразу же вздулась, приобретя нелепый и уродливый вид. А что же делать? Будь у меня пояс, или ремень — я бы, конечно, подвесил кошелек именно на него. Но по законам Галатона бастардам полагается ходить в свободной не подпоясанной рубаше из грубого полотна летом, и в длинном дерюжном балахоне зимой. Глупо, конечно, и очень неудобно, да ничего не поделаешь: пояса нам не разрешены, а если городская стража поймает на нарушении традиции, может здорово отлупить. Говорят, этот обычай возник после того, как одного герцога его незаконнорожденный сын удавил во сне собственным поясом. Вполне возможно, кстати, учитывая отношение дворян к бастардам.

В узком проулке улицы Мусорщиков ко мне подошли двое с разбойничьими рожами и начали теснить в тупик Дохлой крысы. Вроде не местные, во всяком случае, я их никогда в Портовом квартале не видел.

— Ух ты, смотри—ка, Хряк, какой красивый парнишка к нам идет, — прогнусил маленький тщедушный человечек в грязной, залитой то ли кровью, то ли красным вином, рубаше.

Его толстый товарищ, которому удивительно шло прозви-

ще Хряк, остановился в паре шагов от меня, ухмыляясь и многозначительно поводя жирными плечами.

– А отчего у тебя карман топорщится? – не унимался маленький. – Похоже, там бо—о—ольшая бутылъ доброго винца, а? Сам поделишься, или помочь?

– Не, Суслик, у него там кошель с золотом, – лениво протянул Хряк.

Оба громилы зашлись в продолжительном хохоте, настолько забавной им показалась эта шутка. Действительно, откуда у бастарда, пробирающегося между бедными домишками улицы Мусорщиков, возьмутся деньги? Пока они ржали, я времени зря не терял: быстренько сварганил небольшое такое заклятие. «Прострел» называется. В принципе, безобидное. Кстати, сам придумал. Когда бродяги, вдоволь навеселившись, вновь обратили на меня внимание и двинулись с явным намерением отделать как следует и отобрать содержимое кармана, я быстро выбросил руки вперед.

– Ой, спину прихватило! – сообщил Суслик, согнувшись пополам.

– Да не прихватило, дурак ты безмозглый, – поправил его Хряк, обеими руками подпирая поясницу. – Парень – маг, он на нас порчу наслал.

– Бежим! – заверещал хилый грабитель, сразу растеряв весь свой боевой задор.

Ну, они и побежали, я вам скажу! Чуть ли не на четвереньках, охая и ахая, семена, как древние старушки. Вот ведь на-

род! Никакого понятия! Чуть что, вопят: сглазили, порчу наслали! А кто просил на прохожих нападать? Между прочим, порча вот так вот в один момент не насылается, над добротной порчей нужно работать не один день. Но это уже из области Незаконной магии, я это не люблю. Ничего, от заклятия прострела никакого вреда не случится, поболит пару дней и само пройдет. Зато будет им урок. Хотя... не зря говорят: горбатого исправить может лишь *Сацеол*.

* * *

— Как?! Как, Мрак тебя задави, это могло получиться?!!

— Но... это случайность...

— Случайность? Ты что, не понимаешь, что сорвал всю операцию! Следующей возможности придется ждать несколько лет! Откуда, к Сацеолу, там взялся этот ублюдок?

— Он просто прохожий...

— Ты сам—то в это веришь? «Просто прохожих» в таком деле быть не может. На кого он работает?

— Мы выясним...

— Я должен знать, кто он, откуда, как звали его покойную бабушку, и до какого возраста он гадил в итанишки. Знать все, понимаешь?

— Мы постараемся...

— Ну, хотя бы с трупом кайлара вы разобрались? След не

приведет к нам?

— Наши люди все подчистили.

— Спасибо и на том. А теперь...пошел вон!

*** * ***

«Люсинда» стояла у пирса, но оживления, обычного для порта, когда приходит торговое судно, вокруг нее не было. Не суетились грузчики, не носилась по палубе команда, не громыхали многочисленные телеги, доверху заполненные привозным товаром. А главное, не было ни городской, ни портовой стражи. Оно и понятно: «Люсинда» пришвартовалась еще утром, и толстый чиновник, собирающий пошину, давно уже получил причитающееся городской казне, и еще немного сверху, и довольный, как насосавшийся паук, отбыл в сопровождении стражников. Целый день купцы вывозили из порта доставленные для их лавок товары: специи из жаркого *Андастана*, фарфор и шелк из загадочной *Журжени*, драгоценное черное дерево из колоний Южного континента — шхуна совершила кругосветное путешествие. Теперь же, когда «Люсинда», опустевшая, словно женщина, разрешившаяся от бремени, легко покачивалась на воде, пришло мое время. Солнце спряталось за море, на несколько минут подарив бархатной воде багряное облачение, купцы разъехались по своим лавкам, а большая часть команды отправилась в кабаки и дома блудниц отмечать свое благополучное возвра-

щение на твердую землю. Порт погрузился в сумерки, именно в этот час такие, как я, встречаются с капитанами, чтобы забрать контрабандный товар. Старый мерин по кличке Листик, запряженный в телегу, смирно ожидал на пирсе, тогда как я разглядывал потрепанную за время кругосветки «Люсинду». Настроение у меня было самое радужное. А как же могло быть иначе, если при пересчете королевского подарка выяснилось, что в бархатном мешочке находится пятьдесят. Полновесных. Золотых. Паунсов! Половину из них я отдал дядюшке, чтобы как—то компенсировать средства, потраченные им на мое содержание и обучение. Старый хрыч расчувствовался так, что даже малость прослезился. Он долго отказывался, потом решил вложить эти деньги в дело. Оставшиеся двадцать пять славных блестящих монет я засунул в железную шкатулку и закопал в самом дальнем углу огорода, на котором дядюшка Ге разводит всякие травки да кустики для своих зелий. Твердо решив при этом, что они станут моим «приданным» для женитьбы на Мельде. Надеюсь, теперь—то она обратит на меня внимание?

Я предавался приятным для меня размышлениям, и грубый окрик:

– Эй, бастард, трезубец Маннаина тебе в задницу, смотри сюда! Чего рот разеваешь, как проклятая рыба—растопырка? – ничуть не вывел меня из благодушного настроения.

Впрочем, обижаться было не на что: никто и никогда не слышал от капитана Джо Сольвига ничего, кроме самой за-

бористой ругани. Порой я просто прихожу в недоумение по поводу его высказываний. И еще меня гложет любопытство: а как он разговаривает со своей женой?

– Здравствуйте, уважаемый Джо, – я продемонстрировал хорошие манеры. – Как прошло ваше путешествие?

– Как серпом по жабрам, – пожаловался морской волк. – Видно, придется старому Сольвигу уходить на покой. Твари всякой развелось – прежде за пятьдесят лет столько не встретишь, как нынче за год.

– Это что же за тварь такая, уважаемый Джо? – заинтересовался я.

– Да уж такие вот, ублюдки из Мрака, задери Угелук их мамашу! Чего мы только не навидались в этот раз: и мертвые огни, и корабли—призраки, и морские тролли два раза нападали. Только Дитя глубин не встретили, слава *Маннаину*!

– Дитя глубин? Это что?

– Не твоего ума дело! Не к ночи оно будь помянуто! – спохватился вдруг капитан, и, ухватившись за оберегающий амулет, висевший у него на шее, шепотом прочел молитву богу моря.

Джо свистнул, и четверо вахтенных матросов ринулись в трюм. Вскоре они выволокли на палубу несколько тюков, и мне пришлось карабкаться по трапу на борт судна. Не люблю я это дело! По моему глубокому убеждению, человек должен ходить по твердой земле. Даже оказавшись на палубе пришвартованной к пирсу шхуны, я ощутил мерное покачива-

ние, которое тут же вызвало легкую тошноту.

– Эх ты, сухопутная крыса! – расхохотался Джо. – Проверь товар, и вали отсюда!

Я склонился над тюками и запустил в них обе руки. Пестрые журженьские шелка – дядюшка неплохо заработает, продав их знакомым модницам, которых не смущают такие мелочи, как неуплаченная пошлина. Ароматный табак с Зеленых островов, запрещенный к ввозу в Галатон, давно уже распределен между знатоками. Мешочки со специями... связки бус из черного дерева, которые после магической обработки становятся довольно сильными амулетами... Я продолжал рыться в тюках. Еще шелка, еще табак... Вот! Пальцы сжали гладкую капсулу величиной с воробьиное яйцо. Слава Лугу! Именно ради этой штуки, собственно, все и затевалось: маленькая капсула из Солнечного камня содержит вещество, стоимость которого в сотни раз превышает цену остальной контрабанды. Впрочем, как говорится, если велика плата, то хороша и расплата. Схвати меня сейчас стража с этой шутовщиной в руке – и смертная казнь обеспечена.

Южный континент огромен и богат. Именно его колонизировал Ридриг первый, тем самым превратив Галатон в могущественную империю. Сейчас весь Южный континент разделен на колонии, большая часть из которых принадлежит Галатону, а остальные – Паргании. Каждая из двух стран стремится стать полновластной владелицей континента, пытаясь потеснить соперницу. Оно и понятно: здесь скрывают-

ся огромные, невероятные сокровища. На севере ведется добыча алмазов, рубинов, изумрудов и золота. Южные леса богаты деревом драгоценных пород, а шкуры некоторых экзотических животных, которые там водятся, стоят дороже нашего с дядей дома. Еще с континента везут рабов, которых охотно покупают в Восточном Эмирате, Андастане и Журжени. Мужчины южных племен сильны, выносливы и ловки. В самом Галатоне нет рабства, то есть, гражданин нашей страны не может быть поработан. Но вот иметь в хозяйстве раба из колоний аристократам не возбраняется. Или рабыню. Какие на Южном континенте женщины! Высокие, гибкие, чернокудрые, темноокие, позолоченные щедрым горячим солнцем, вызревшие под ним, словно диковинные плоды чужой загадочной земли, они одним своим видом заставляют кровь быстрее бежать по жилам, а сердце заходиться в лихорадочном биении. Но такие наложницы очень и очень дороги, они по карману лишь богачам. Эти красавицы украшают собой гаремы правителей восточных стран, блистают в полусвете империй, их красота прельщает даже королей... Но ни черное дерево, ни алмазы, ни прелестные рабыни не сравнятся по ценности с *пауронием*— металлом, который добывается в шахтах Южного континента. Он — воплощение магии, квинтэссенция волшебной власти, вещество, делающее боевые заклинания в десятки, сотни раз сильнее. Совершенное оружие. Разумеется, исключительное право на добычу паурония принадлежит государству, оно же и продает бесценное

вещество. Любая попытка добычи, купли, продажи, а также незаконного использования металла карается смертью.

Именно пауроний находился сейчас в капсуле из полого Солнечного камня, засунутой между упаковками с табаком и туго свернутыми рулонами шелка. Поэтому можно представить себе, что я почувствовал, услышав за спиной повелительный голос:

– Бастард Рик? Именем императора следуйте за мной!

На плечо легла тяжелая рука. Я осторожно обернулся, все еще судорожно сжимая в пальцах капсулу медового цвета и не зная, куда ее спрятать. Так и есть: надменный усач в алом мундире с нашивками лейтенанта императорской гвардии, нахмурившись, повторил:

– Рик бастард?

Чуть поодаль от него маячили еще три высоких воина в алом. Пришлось признаться:

– Это я.

– Следуйте за мной, – интонации лейтенанта не вызывали желания возражать.

Я внутренне заметался, не зная, что делать: то ли оставить капсулу внутри тюка, то ли постараться незаметно сунуть ее в карман. Если оставлю – все обвинения падут на голову несчастного Джо, а это будет нечестно. Эх, была не была! Сжатая ладонь нырнула в карман штанов, и я, распрямившись, понуро затрусил следом за нарядом гвардейцев. Капитан облегченно выдохнул и подмигнул, давая понять, что

остальной товар будет доставлен дядюшке в целости и сохранности.

– Не отставать! – не оборачиваясь, приказал лейтенант.

Двое гвардейцев конвоировали меня по бокам, третий пристроился в хвосте шествия. Только тут до меня дошло. позвольте, а при чем здесь императорские гвардейцы? Единственная обязанность алых мундиров – охрана дворца и августейших особ. Откуда они взялись в порту, да еще и знали мое имя? Попытки что—либо выяснить окончились ничем: все четверо усачей хранили гордое молчание. Недалеко от пирсов меня погрузили в карету с занавешенными окнами, по обе стороны уселись конвоиры, третий солдат и лейтенант, не сводивший с меня хмурого взгляда, разместились напротив. Экипаж сорвался с места и загрохотал по кривым улочкам Портового квартала.

* * *

– Ну, что удалось выяснить?

– Он бастард.

– Великое открытие! Это было видно по одежде. Что еще?

– Да, в сущности, ничего. Думаю, он действительно просто прохожий.

– Просто прохожий... просто прохожий, Бездну тебе в тещи, который сумел нейтрализовать «Поцелуй саламанд-

ры».

— Но он только подставил зеркало...

— Судя по тому, что осталось от кайлара, на зеркало были наложены чары. Ты много видел «просто прохожих», которые разгуливают по улицам с магическими зеркалами в руках?

— Может быть, его следует убрать?

— Ни в коем случае, это вызовет подозрения. Я займусь им сам. Тебе ничего нельзя поручить.

— Простите...

* * *

Путешествие вышло довольно долгим, я от тряски задремал и очнулся от громового «Тпру—у—у», которое издал кучер. Карета остановилась, лейтенант распахнул дверцу и выскочил наружу.

— Пошевеливайся! — пробурчал один из стражей, для убедительности пихнув меня локтем в бок.

Я вышел и раскрыл рот от удивления: мы стояли перед широкой полукруглой лестницей, ведущей к парадным воротам императорского дворца. Оказывается, пока я спал, карета миновала внешние ворота, и теперь передо мной вздымалось величественное и одновременно легкое, какое—то воздушное здание, увенчанное серебристым шпилем. Лейтенант повелительно кивнул, и принялся подниматься по

мраморным ступеням. Меня тем же порядком конвоировали следом. По обе стороны лестницы застыли караульные гвардейцы с алебардами, двое стражей стояли у ворот и при нашем появлении крест—накрест сомкнули свое оружие.

— Лейтенант Ривен, Рик бастард, в Большой тронный зал, по приказанию императора, — четко произнес «мой» офицер.

— Проходите! — алебарды плавно разъехались в разные стороны, пропустив нас с лейтенантом. Конвойные гвардейцы остались снаружи, видимо, считалось, что из дворца я сбежать уже не смогу.

Да, такой красоты я в жизни не видел! То есть видел, конечно, но только на картинках. А уж о том, чтобы воочию, и не мечтал даже. Мы оказались в огромном круглом зале с высоченными, какими—то бесконечными, потолками. Стены, на обивку которых ушло не меньше десятка квадратных майлов журженьского шелка, радужно переливались под мягким светом магических вечных свечей. Пол под ногами блестел, как ледяная поверхность зимнего озера. Становилось даже немного не по себе: все время казалось, что вот—вот поскользнешься и пропадешь сияющий паркет собственным носом. Лейтенанта Ривена, однако, подобные соображения нисколько не смущали, и он решительно двинулся к широкой лестнице, покрытой ковровой дорожкой, сделанной лучшим мастером из Восточного Эмирата. Пересекая зал, гвардеец то и дело коротко здоровался с роскошно одетыми людьми, спешившими куда—то по своим делам.

Я плелся за ним, низко склонив голову, как и полагается бастарду при встрече с родовитыми и богатыми господами. Смотреть по сторонам у меня возможности не было, поэтому я сосредоточил взгляд на обрамляющих лестницу резных перилах из черного дерева. Это было настоящее произведение искусства! Мастер изобразил на них птиц, зверей самого невероятного вида, и диковинные растения. Возможно, огромные уродливые ящеры, зубастые орлы, а также цветочки, с аппетитом заглатывающие людей – плод фантазии резчика. А может быть, мастер воссоздал флору и фауну Южного континента, с которого было привезено дерево для этих перил.

В таком случае, не дай Луг мне когда—нибудь оказаться там! Я украдкой проводил пальцем по перилам, и удивлялся теплу, исходившему от них, словно черное дерево впитало в себя лучи горячего солнца своей родины, и теперь постепенно отдавало их. Да, много диковинок в императорском дворце, но говорят, даже ему не сравниться с великолепием Дома Совета магов. Там, по слухам, имеются волшебные подъемные устройства, благодаря которым не нужно топать по лестницам пешком. А еще Дом Совета освещается не вечными свечами, а «маленькими солнцами» – магическими светильниками, которые сами выбирают, с какой яркостью им гореть и когда потухнуть. Если в окна светит настоящее солнце, волшебные светильники гаснут, и наоборот, чем темнее становится на улице и в доме, тем ярче они сияют.

– Пришли! – прервал лейтенант мои размышления.

Мы находились в относительно небольшой комнате без окон, вдоль стен которой стояли мягкие бархатные диваны. Кроме нас, здесь больше никого не было. Напротив двери, через которую мы попали в комнату, имелась вторая – не дверь даже, а ворота, большие, двустворчатые, украшенные мозаичным полотном, изображающим портрет какого—то императора, то ли Ридрига Просвещенного, то ли еще кого. Офицер заботливо оглядел меня с ног до головы, зачем—то одернул рубаху, пробормотав:

– Ровней, ровней держись! Голову выше!

А вот это он зря: может, для солдата умение высоко держать голову и полезно, а вот бастарду оно ничего, кроме неприятностей, не принесет. От стены отделился невысокий бородатый человек в длинной сиреневой мантии – видимо, один из придворных магов. Он обвел меня с головы до ног бронзовым жезлом в форме львиной лапы и удовлетворенно кивнул:

– Он чист!

Понятно, амулет для обнаружения всяких магических штучек. Хорошая вещь! Хотя нет, с помощью амулета не всякую магию найдешь. Например, при встрече с силами Бездны любой амулет рассыплется в прах. Скорее, львиная лапа – какой—то могущественный артефакт, их на вооружении Совета магов много. Я незаметно перевел дух. Солнечный камень сработал! Он обладает свойством гасить магиче-

ские излучения паурония, и обманывает даже самые мощные поисковики. Сегодня мне пришлось убедиться в этом лично. А страшно было! Бородатый чуть приотворил тяжелую, украшенную мозаикой створку и тихо скользнул за нее. Лейтенант отступил назад, а створки вдруг распахнулись во всю ширь, и навстречу мне выступил пышно одетый человек с булавой в правой руке. На нем был белоснежный камзол с широким веерообразным воротником, поперек груди шла алая перевязь, на которой висели то ли ордена, то ли просто украшения – я в этом не разбираюсь. Нижняя часть тела величественного незнакомца была упакована в тугие штаны, заправленные в высокие красные сапожки. Человек шагнул ко мне, я от неожиданности попятился. Лейтенант тут же толкнул меня в спину, прошипев:

– Это церемониймейстер двора его величества!

Ну, тут я уж совсем растерялся: никогда не слышал, чтобы задержанных за контрабанду доставляли к церемониймейстеру императорского двора. Тот, не обратив никакого внимания на мой испуганный вид, откашлялся, повернулся лицом к распахнутой двери, шарахнул концом булавы об пол и торжественно возвестил:

– Рик бастард!

– Иди! – шепнул лейтенант, снова награждая меня ошутимым тычком в спину.

Делать было нечего, как говорится, семь бед – один ответ. Я перешагнул порог и очутился лицом к лицу с радушно

улыбающимся мужчиной в белоснежной мантии.

– Вот ты какой, спаситель его величества! – воскликнул тот, широко раскинув руки, словно собираясь меня обнять и прижать к своей груди.

Я невольно отшатнулся, чем, кажется, весьма развеселил своего собеседника, и тут только сообразил: меня называли спасителем императора. На душе стало немного легче: значит, контрабанда тут ни при чем. Между тем человек в белой мантии представился:

– Вериллий Фламиер, Верховный маг империи.

– Ваше высокомагичество! – придушенно воскликнул я, собираясь рухнуть на колени перед вторым лицом государства. А может, первым. Это как посмотреть.

– Нет—нет, Рик, – придержал меня глава Совета и протянул руку для пожатия.

Луг великий! Да что же это делается? Видно, что—то сдвинулось и перепуталось в книге моей судьбы, раз я, безродный бастард, в императорском дворце, пожимаю руку самому Верховному магу! А он действительно такой, каким его описывают и изображают на портретах: широкое курносое лицо, не имеющее ничего общего с надменными физиономиями аристократов, серо—голубые пронизательные глаза, обильно тронутые сединой густые соломенные волосы и открытая, веселая улыбка. Вериллий был высок, крепок и широкоплеч, а ручища, которой он сжал мою ладонь, сделала бы честь любому молотобойцу. Приятный человек.

– Пошли, пошли, посмотришь, как живут августейшие особы, – шутливо проговорил он, дружески хлопая меня по плечу и подталкивая вперед.

Наконец я сумел немного справиться с волнением и осмотрелся по сторонам. Большой тронный зал полностью оправдывал свое название. Впрочем, будь моя воля, я назвал бы его Огромным. С потолка спускалось на толстых золотых цепях множество люстр, в каждой из которых стояло не меньше сотни вечных свечей. Их сияние отражалось от стен, затянутых серебристым шелком, отчего зал казался каким—то воздушным. По периметру ровным строем стояли беломраморные резные колонны, торжественно—монументальные и вместе с тем изящные. На полу была выложена мозаика, изображающая ночное небо Аматы: луна и созвездия выполнены так правдоподобно, что жаль было на них наступать. Посреди зала на возвышении стоял императорский трон из черного дерева. Спинка его была инкрустирована россыпью сапфиров, а подлокотники отделаны чеканным золотом. К трону вела красная коврая дорожка, затканная золотыми нитями. По обе стороны от нее толпились нарядные господа и дамы, тихо перебрасываясь между собой короткими фразами. Вериллий подвел меня к ним, и провозгласил:

– Спаситель, господа!

Все взгляды обратились в мою сторону, мне впору было провалиться сквозь красивый пол, а Верховный как ни в чем

не бывало начал представлять мне присутствующих. Слава Лугу, их было немного. Да мне и этого хватило с лихвой.

– Леди Алассия, графиня Гриндейл, – высокая худая дама лет тридцати, чья длинная нижняя челюсть говорила о ее незаурядной воле, слегка улыбнулась и тут же спрятала лицо за раскрытым веером, видимо, маскируя некстати образовавшуюся презрительную ухмылку. Взгляд льдисто—голубых глаз при этом оставался холодным и настороженным.

– Стерва и хищница, непобедима в закулисных играх, однако пользуется при дворе репутацией честнейшей женщины. Впрочем, у нее столько денег, что любую репутацию можно было бы купить! – гаркнул у меня в голове разухабистый залихватский насмешливый голос, заставив вздрогнуть и испуганно искать глазами смельчака, который дал графине столь нелицеприятную характеристику.

Однако, никто из присутствующих, видимо ничего такого не слышал. Я покосился на стоящего справа от меня Вериллия. Тот едва заметно подмигнул и с любезной улыбкой продолжил:

– Леди Пери, герцогиня Бастоун, – полная противоположность графине, маленькая пухленькая женщина с миловидным лицом, которое несколько портили бегающие глазки, добродушно кивнула.

– Самозабвенная сплетница, в курсе всех событий двора. Знает подноготную каждого из придворных, и при удобном случае это использует. Если же вдруг выдается бедный на со-

бытия день, и герцогиня остается без порции свежих сплетен, она выдумывает их сама, – снова вмешался невидимый голос, а Вериллий опять подмигнул.

На этот раз не оставалось никаких сомнений: великий маг умудрился каким—то образом передавать мне свои мысли, описывая с их помощью каждого из присутствующих.

– Его высокопреосвященство Падерик Третий, Верховный жрец Луга всеблагого, – тучный мужчина, наряженный в золотую парчу, милостиво взглянул на меня, протягивая пухлую руку для ритуального поцелуя.

– Преосвященство—то преосвященство, а, поговаривают, привечает в храме молоденьких блудниц. Предпочитает не старше пятнадцати, – прокомментировал голос Вериллия у меня в голове.

Далее мне были представлены лорд канцлер императорского двора, имени я не запомнил, о котором загадочный голос отозвался как о человеке жестоком и злопамятном, и некий барон, которого Вериллий описал как существо ничемное и тупое, зато замечательно угождающее дамам. Складывалось впечатление, что императорский двор сплошь состоит из монстров, дураков и подлецов.

– Его высочество принц Келдин, ее высочество принцесса Дарианна, – возвестил церемониймейстер.

В зал расслабленной походкой вошел хлипкий невысокий юноша в костюме из кричаще розового атласа. Руки, шея, грудь, а также уши принца были щедро увешаны драгоцен-

ными камнями, длинные темные волосы покрывала золотая сетка. При виде меня его узкое лицо с большими миндалевидными глазами, безвольным подбородком и вялым ртом, слегка оживилось.

— Это именно то, что ты подумал, друг мой, — хихикнул Вериллий внутри моей головы. — Увы, его высочество вряд ли сумеет осчастливить императора наследником, ибо принадлежит к обществу Изысканных.

Этого только не хватало! Ну, не люблю я этих... даже не знаю, как и назвать—то! Между тем принц, очевидно, проникнувшись ко мне искренней симпатией, уж не знаю, почему, устремил на меня томный взор и медленно облизал губы. Фу, право слово! Я не знал, куда деть глаза, и встретился взглядом с горящими черными очами принцессы Дарианны. Ее высочество являла собой полную противоположность брату. Движения ее были порывистыми и упругими, походка — решительной. Я прислушался, ожидая, что Вериллий как —нибудь отреагирует на ее появление, но голос, слышимый только мне, молчал. У Дарианны было очень интересное лицо, неземное какое—то: огромные черные глазищи, тонкие смоляные брови вразлет, изящный прямой нос, нежный рисунок высоких скул, причудливо изогнутые губы... Черные глаза и брови странно смотрелись на фоне серебристо—белых волос. А вот фигурка у принцессы, на мой взгляд, подкачала. Нет, конечно, найдутся эстеты, которые возмутятся моим мнением и станут утверждать, что высокий рост, хруп-

кий стан, который можно охватить ладонями, и полное отсутствие выпуклостей – это как раз то, что обязан любить и вожделеть каждый мужчина. Только мне кажется, что такой облик годится разве что для эльфийки. В человеческих же дочерях я прежде всего ценю обилие пышной плоти. И можете сколько угодно обвинять меня в плебейских вкусах! Имею право, я даже хуже плебея – бастард. Впрочем, я погорячился: кое—какие выпуклости в необходимых местах у принцессы все же имелись, но их размеры были недостаточными для того, чтобы заставить мое сердце биться учащенно. Только не надо думать, что я в упор разглядывал ее высочество, про себя критически отмечая все ее достоинства и недостатки! Конечно, нет: в этом мире каждый должен знать свое место, если хочет жить спокойно. Или просто хочет жить. Между тем принцессу, видимо, ничуть не смутила сословная разница, а может быть, Дарианна просто не привыкла сдерживать свои чувства. Так или иначе, но, воскликнув: «Спасибо!», девица подскочила ко мне и звонко расцеловала в обе щеки. Я ощутил, как лицо наливается предательским румянцем, и застыл посреди всей честной компании дурак дураком, не зная, что сказать и мучительно гадая, казнят меня прямо сейчас или чуть попозже. Физиономии придворных на секунду выразили предельную брезгливость, которая тут же сменилась приторными улыбочками. Принц же ревниво насупил и, кажется, тоже собрался осчастливить меня страстным поцелуем, чем вызвал во мне новую

волну неловкости и опасений за собственную шкуру. Спасло появление императора.

Ридриг второй явился в зале совершенно неожиданно и без всякой торжественности. Просто в дальнем конце зала за колоннами открылась незаметная дверь, оттуда вышел монарх и быстрым шагом двинулся к трону. Следом за ним поспешал надутый от важности пышно разодетый плюгавый человечек, держа в руках свиток, перетянутый лентой и скрепленный красной печатью. Придворные дамы мастерски исполнили глубокие реверансы, кавалеры согнулись в поклонах. Я поспешил последовать их примеру.

– Его императорское величество, господин Объединенной империи Галатон, властитель земель Южного континента, повелитель присоединенных малых земель... – запоздало зачастил церемониймейстер.

Ридриг нетерпеливо махнул на него рукой, призывая замолчать, и легко взбежал по ступенькам, ведущим к трону. Усевшись, император кивнул человечку, который устроился справа от возвышения.

– Можешь уже распрямиться, – насмешливо сказал голос Вериллия. – Сейчас советник прочтет приказ его величества. Слушай внимательно.

– Мы, император Объединенной империи Галатон, властитель земель Южного континента... – загнул советник.

Несмотря на совет Верховного мага, я невольно отвлекся и пропустил большую часть титулов Ридрига мимо ушей. Уж

больно монотонно бубнил плюгавый. Очнулся я лишь тогда, когда неожиданно прозвучало мое имя:

— ...в благодарность за услугу, оказанную августейшей фамилии и всей Объединенной империи Галатон, повелеваем: бастарда по имени Рик наградить честным именем Сайваар...

Ну, ничего себе! Сайваар — спаситель на древнегалатском. Вот это подарок! Душу заполонила бурная радость: конец безродности, отныне у меня есть честное имя, да какое! Рик Сайваар, позвольте представиться! Ну, теперь—то Мельда бросит своего мясника. С честным именем, да с двадцатью пятью золотыми я завидный жених! Однако оказалось, что на этом сюрпризы только начинались.

— ...и баронским титулом. Также даруем Рику Сайваару поместье в Лесном крае, приносящее пятьсот паунсов годового дохода...

Какая Мельда?! К Тарантусу Мельду! Теперь, когда я богат и почти родовит, можно найти невесту и получше. Конечно, девицу из знатных за меня не отдадут, для аристократов я навсегда останусь бастардом, и еще моим внукам, да подарит мне их Нея, придется доказывать свое благородство. Но вот дочь какого—нибудь купца, или дворянина из новых, получивших титул, как и я, за заслуги перед отечеством, вполне можно будет просватать.

— ...дом в Виндоре, на улице Розы ветров, а также пятьсот паунсов ежегодной пожизненной именной ренты...

А может, ну ее, женитьбу? Мне всего—то двадцать пять, успею еще. Решено: сначала поживу годок—другой в свое удовольствие, опять же дядюшке помогу. А уж потом... может быть... теперь—то можно позволить себе и такую роскошь как брак по любви.

— ...барону Рику Сайваару присваивается звание лейтенанта Имперских ястребов.

Позвольте, а это еще зачем? Не хочу, не желаю! Вместо того, чтобы наслаждаться жизнью и внезапно свалившимся богатством, париться на плацу, муштруя солдатню?! Однако от монаршей милости не отмахнешься. Придется надевать черный мундир... Ладно, авось войны не случится, и мне не нужно будет проливать свою кровь во славу августейшей фамилии. Кстати, я ничего не смыслю в военном деле, какой из меня, к Угелуку, лейтенант? Имперские ястребы – отборные регулярные войска Галатона, служить в них – честь для любого дворянина. Я—то там зачем?

Советник замолчал, отдуваясь после долгой речи, а придворные обратили на меня льстивые, полные тщательно скрываемой зависти, взгляды. За фальшивыми улыбками таилась жгучая ненависть к удачливому чужаку. Я же стоял, блаженно ухмыляясь, все еще не веря, что все это происходит именно со мной. Постепенно до меня дошло, что все, похоже, чего—то ждут.

— Благодарю вас, ваше императорское величество, – подсказал голос Вериллия.

Я послушно повторил.

– Не за что, Рик. Это я тебя благодарю, – добродушно отозвался Ридриг и неожиданно спустился с трона.

Он прошагал по дорожке и остановился прямо напротив меня. Тут наконец выяснилось, что император невысок – его макушка приходилась где–то на уровне моего носа – и крепок. Не в пример придворным, одет Ридриг был очень просто, в темно–зеленый костюм из дорогого полотна. Никаких драгоценных камней, богатых перевязей, ажурных кружев, или прочих атрибутов роскоши, лишь лоб венцом опоясывал тонкий обруч императорской короны. Все правильно, истинное величие не нуждается в пышной оправе.

– Все церемонии окончены, – проговорил он. – Теперь иди, переоденься. Приглашаю тебя на ужин в семейном кругу.

Его величество напоследок дружески улыбнулся мне и покинул зал так же стремительно, как и вошел. Следом засеменял советник, потом удалилась Дарианна, и, к моему несказанному облегчению, принц Келдин. Придворные разразились похвалами и комплиментами в мой адрес.

– Ишь как стараются, шакалы, – голос Вериллия в моей голове прозвучал издевательски. – Всегда поражался их чутью. Сейчас, когда ты на гребне успеха, они не устают тебе льстить. Но упаси Луг впасть в немилость – и эта свора, тут же почувствовав запах несчастья, безжалостно тебя растерзает.

Вслух же Верховный произнес:

– Пойдемте, барон, сам провожу вас в вашу комнату. Новому человеку во дворце нетрудно заблудиться.

В мою комнату? Боги Аматы, что творится в этом мире? У Рика бастарда имеется комната в императорском дворце! Впрочем, не у Рика бастарда, а у барона Рика Сайваара. Согласитесь, есть разница.

– Как ты себя чувствуешь, Рик? – спросил Вериллий, когда мы, оставив свиту обсуждать мое триумфальное появление при дворе, зашагали по широкому, ярко освещенному коридору.

Оставшись со мной наедине, маг отбросил титулы, и теперь разговаривал запросто.

– Странно, словно бы все это происходит во сне, – признался я.

– Да, понимаю: перемены в твоей жизни случились разительные, – согласился Верховный. – Но ведь главное, что они – к лучшему, не так ли? Ты не только спас императора, но еще и ухватил удачу за хвост! Смотри, не упusti ее. Впрочем, я помогу.

– Почему? – неожиданно для себя самого выпалил я.

– Что почему? – вроде бы не понял Вериллий.

– Почему вы хотите мне помочь? Какая вам—то от этого выгода?

Произнеся эти слова, я тут же пожалел о своей несдержанности. Стало по—настоящему жутко: ведь предупреждал же

сам Верховный об осторожности. И что же я делаю? Настраиваю против себя самого могущественного мага империи.

Вериллий от моего вопроса словно бы споткнулся и остановился как вкопанный, сверля меня пронизательным взглядом. На миг в его глазах вспыхнула опасная искорка, но тут же маг весело рассмеялся.

— Да ты не так прост, как кажешься, Рик! Что ж, отвечу: не стану утверждать, что помогаю тебе исключительно из—за твоих прекрасных глаз. Хотя ты мне действительно симпатичен. Но ты сам видел, кто окружает его величество. Наша аристократия прогнила насквозь: повсюду ложь, подлость и предательство. До чего дошло: совершено покушение на императора! Нельзя доверять никому. Придворные плетут заговоры, государственные чиновники берут взятки, вокруг процветает кумовство, городская стража бездействует, и даже Имперские псы, раньше такие неподкупные, не брезгают дополнительными заработками, за подношения выпуская на свободу преступников настоящих, и обвиняя в их грехах порядочных, ни в чем неповинных людей. А вот в твоей честности и преданности сомневаться не приходится, ты доказал их, предотвратив несчастье. И сейчас очень важно, чтобы рядом с его величеством оказался верный человек. Именно поэтому император решил представить тебя ко двору. Ему нужны такие, как ты. А значит, и мне. Поэтому я и помогаю тебе прижиться здесь, разобраться в окружении. Я понятно объяснил, Рик?

Я кивнул. Может, оно и так. Хотя лучше было бы Ридригу ограничить свои милости дарением мне честного имени, титула и поместья. Ни чин лейтенанта, ни придворная жизнь, ни даже дом в центре Виндора мне не нужны.

— Пришли, — Вериллий толкнул одну из дверей, и мы очутились в просторных покоях, которые удовлетворили бы требованиям даже самого придирчивого и капризного аристократа.

Люстра со множеством вечных свечей озаряла большую комнату, стены которой были задрапированы какой—то мягкой тканью приятного зеленого цвета. Высокое, почти во всю стену, окно закрывали портьеры того же оттенка. Ноги ощущали пружинистый длинный ворс эмиратского ковра. Но больше всего меня поразила стоящая посреди комнаты кровать. То есть, не кровать даже, а целое ложе, на котором могли бы комфортно разместиться человек пять. Необъяснимое, накрытое шелковым покрывалом сооружение стояло на массивных бронзовых лапах, а изголовье было затянуто бело—золотой парчой. Все это безумие венчалось свисающим с потолка балдахином из прозрачного легчайшего шелка. В углу имелся туалетный столик, на котором теснились какие—то флакончики, бутылочки, баночки и скляночки. На прикроватной тумбочке гордо высилась ваза с фруктами, на круглом столе у окна стоял кувшин с водой, бутылка вина, пара стаканов журженского стекла, а также причудливые письменные принадлежности. На кресло, приставленное

к столу, была накинута чья—то белоснежная сияющая шкура. Ну, просто будуар придворной кокетки, а не комната для мужчины! Я обозревал убранство покоев с таким испугом, что Вериллий, не сдержавшись, хохотнул.

– Не переживай, Рик, привыкнешь! Знаешь, к хорошему привыкают быстрее, чем к плохому. А теперь я тебя оставлю. Переоденься и жди слугу, он отведет тебя в малую трапезную.

Он пошел было к двери, но на полпути вернулся.

– Да, чуть не забыл. Тебе необходима защита в этом клубке змей. Вот, возьми.

Он протянул мне необычного вида амулет: кусочек чего—то, напоминающего маленький острый рог, был оправлен в белое золото и подвешен на толстую цепь из того же металла.

– Что это?

– Рог единорога, он убережет тебя от отравления. На носящего такой амулет не действует ни один яд. Правда, от магического воздействия он не предохраняет, но не думаю, что кто—нибудь рискнет воспользоваться волшебством у меня под носом. А вот попытаться отравить могут. Так что надень его прямо поверх одежды и носи, не снимая.

Вериллий пожал мне руку и вышел, а я застыл посреди комнаты, переваривая полученные сведения. Так, значит, могут отравить... в хорошее же окружение я попал! Похоже, Верховный был прав: императорский двор – это гиблое место. А уж о взяточничестве и кумовстве среди власть иму-

щих он мог бы мне и не рассказывать, как и о продажности городской стражи. Простому человеку это известно еще и лучше, нежели такой большой шишке, как Вериллий Фламир. Мы живем среди всего этого безумия, и терпим от него, хорошо понимая всю безысходность своего положения. Одно только было мне непонятно: если император и глава Совета магов знают о творящемся беззаконии, почему же они его не прекратят? Ведь власть—то в их руках, кому же навредить порядок, как не им?!

Решив не задумываться о том, чего все равно не могу изменить, я обвел глазами комнату в поисках того, во что мне следовало переодеться. Справа от входной двери имелась еще одна, поменьше. Открыв ее, я обнаружил маленькую комнатку, или большой чулан, в котором стояли три портняжных манекена. На первом висел парадный мундир Имперского ястреба с лейтенантскими погонами: золотые шнуры, алые обшлага, и все такое. На втором – такой же мундир, но без «красоты», на каждый день. Третьему манекену досталась тонкая кольчуга, полотно которой напоминало серебряное кружево. Даже мне, человеку, абсолютно не разбирающемуся во всяких воинских штучках, сразу становилось ясно: кольчуга сделана великим мастером, скорее всего, это древняя гномья работа. Стоит эта вещь огромных денег, и, конечно, это не просто доспех, а очередной дар щедрого монарха. Признаться, наличие ее в гардеробе меня смущало: уж не намекает ли Ридриг на то, что мне предстоит по-

воевать? Я задумался, решая нелегкую задачу: что же, собственно, надеть на ужин к его величеству? Кольчуга, разумеется, отпадала сразу же. Если натяну ее, император может подумать, что я опасаюсь нападения в его обществе. А вот какой мундир выбрать: парадный или повседневный? Вроде бы встреча с августейшей семьей – достойный повод наряжаться, с другой стороны, не буду ли я выглядеть смешно, расфуфырившись на манер павлина? Ужин—то в узком семейном кругу. Ну, не силен я в придворном этикете! Плюнул и натянул обычную черную форму. Сидела как влитая! Обнаружились в гардеробе и сапоги из мягкой кожи, которые пришлись точно по ноге. Я полюбовался на себя в зеркале. Хорош, ничего не скажешь! Немного помявшись, повесил сверху подаренный Вериллием амулет. Получилось ничего себе, хотя немного непривычно. Бастардам запрещено ношение любых магических предметов, и у меня в жизни не было ничего подобного. А приятно осознавать, что дурацкие законы о незаконнорожденных на меня уже не распространяются!

В дверь тихонько поскреблись, вошел невозмутимый слуга и с поклоном сообщил, что ужин начинается через пять минут. Я последовал за ним. Сначала мы шли по коридору, затем поднялись по лестнице на следующий этаж, затем снова по коридору, направо, налево, через переход... Наконец слуга привел меня в тупиковый отросток коридора и мягко постучался в единственную в нем дверь.

– Войдите! – ответил голос императора.

Здесь, в малой трапезной, которую, впрочем, можно было так назвать лишь с большой натяжкой, было очень уютно. Неяркий свет десятисвечевой люстры под розовым абажуром отбрасывал теплые блики на круглый стол, за которым сидели всего четыре человека: сам император, принцесса, принц и Верховный маг. На столе стоял пятый прибор, для меня. Никакого церемониймейстера, никаких придворных, прислуживал за столом только один пожилой слуга. Все действительно по—простому, по—домашнему, если не считать сервировки, конечно. Я поклонился и уселся за стол, оказавшись прямо напротив Ридрига. Принцесса Дарианна сидела по правую руку от отца, принц Келдин – по левую. Между мной и Келдином расположился Вериллий, за что я искренне возблагодарил Луга.

– Тебе очень идет военная форма, Рик, – улыбнулся монарх. – Кстати, ты не против, что я обращаюсь к тебе без титула и на ты?

– Нет, конечно, ваше императорское величество.

– Ну и хорошо, – заключил император. – Теперь, когда мы все в сборе, давайте поужинаем. Наш гость, наверное, голоден.

Тысяча исчадий Мрака! Вот где было настоящее испытание! К столу подавали такую еду, и сопровождалась эта подача такой сервировкой, что я вмиг ощутил себя ущемленным. Я совершенно не знал, как и чем все это нужно есть. Сна-

чала Келдин злорадно хихикал, а Дарианна смотрела сочувственно, но потом дело у меня пошло на лад. Я напряг все отрывки знаний, почерпнутые когда—то из книг дядюшки Ге. Старик как чувствовал, заставлял меня читать учебники по этикету. А я—то, дурак малолетний, тогда противился, мол, зачем бастарду такие тонкости? Прав был дядя, прав: никто не ведает, как повернется его судьба, и ни одно знание, полученное нами, не бывает лишним. Так вот, я извлек из памяти некоторые задержавшиеся там сведения, посмотрел на то, как управляется с приборами Ридриг, да еще и Вериллий помогал мне мысленными подсказками. В итоге все получилось вполне благопристойно. Беседа за столом шла спокойная, неторопливая, и весьма приятная. Ни император, ни его дети не расспрашивали меня о прошлой жизни, за что я им был весьма благодарен. Вообще, я больше слушал, чем говорил. Государственные дела при мне, разумеется, никто не обсуждал, так, болтали обо всяких пустяках. Ридриг и Вериллий оказались очень интересными и остроумными собеседниками, они сумели сделать так, что этот ужин оставил у меня самое приятное воспоминание. Дарианна говорила мало, и я заметил, что она недолюбливает мага. Тот же, напротив, оказывал ей весьма недвусмысленные знаки внимания, целовал ручку, говорил комплименты, самолично подливал вина в бокал – в общем, ухаживал вовсю. Не знаю, искренне ли это было, или Верховный просто метил в зятя монарха, но на протяжении всего ужина он бросал на принцессу пыл-

кие взгляды. Я тоже не остался без своей доли горящих взоров, только, увы, их слал мне принц Келдин. Уж не знаю, чем я тронул сердце впечатлительного Изысканного, разодетого в шелка и кружева, только он томно закатывал глазки и призывно улыбался. Что не укрылось от бдительного ока Ридрига. Я всячески пытался скрыть свое отвращение к пристрастиям наследника, но, видно, делал это недостаточно виртуозно, потому что после очередного кокетливого взгляда Келдина в мою сторону император предостерегающе произнес:

– Ваше высочество...

– Что такое? – капризно нахмурился принц. – Вечно вы, отец, мною недовольны. Я не виноват, что таким родился.

Знакомая песня. Считается, что Изысканные просто не могут иначе, они, мол, такими родились. Не знаю, конечно, так ли это, только мне интересно: почему же среди простого народа их почти нет?

Ридриг перевел разговор, рассказав любопытную легенду о саймарах. Морской народ – саймары – похожи на людей, только у них очень бледная кожа, на шее – жабры, а на спине – спинной плавник. Некоторые называют их из—за резкого рыбного запаха кальмарами. Морские жители могут находиться на воздухе, но недолго. Они очень дружелюбны и неконфликтны. Торгуют с людьми, обменивая морской жемчуг и кораллы на ножи из стали особой закалки, которая не ржавеет в морской воде. Свободолюбивы. Один из императоров, которому, видимо, не давала покоя слава Ридрига

Просвещенного, объявил саймаров своими подданными, а глубины, в которых расположены их города – территорией империи. В ответ на это саймары ушли в море и больше не появлялись. Так продолжалось несколько лет, за это время разорились ювелиры, работавшие с жемчугом и кораллами. Тогда и произошло событие, известное в истории Галатона как Исподний бунт. Женщины и девушки из богатых и знатных семей пришли к императорскому дворцу с требованием отменить указ о присоединении морских территорий и возобновить торговлю жемчугом. Пикантность ситуации заключалась в том, что дамы явились в одном нижнем белье, намекая этим, что из—за неразумной политики скоро им будет нечего носить. Императора данное выступление очень позабавило, и он отменил указ. Только после этого саймары возобновили торговые отношения с Галатоном.

После десерта Ридриг сказал:

– Я хочу сделать тебе подарок, Рик.

– Ваше императорское величество! – запротестовал я. –

Вы уже столько для меня сделали...

– Сколько бы я ни делал, не смогу достойно отплатить за твою услугу, – перебил монарх.

Он сделал знак слуге, и тот поспешно удалился куда—то. Вернулся он, неся в руках обитый бархатом длинный и узкий ларец. Ридриг принял ларец из его рук и вручил мне. Открыв, я обнаружил там меч в кожаных ножнах. Конечно, оружие было великолепно – разве могло быть иначе? Ста-

ринная гномья работа, серебряная сталь. Такую получают, при выплавке добавив в металл крупцу паурония и произнеся соответствующие заклинания. Полученная сталь удивительно, неправдоподобно крепка, оружие из нее никогда не тупится, к тому же обладает магическими свойствами – его нельзя украсть или отобрать, меч знает своего хозяина. Его можно только подарить или передать по наследству. Рукоять, простая и удобная, была гладко отполирована, гарду покрывали руны заклинания, благородный клинок сиял, как зеркало. Никаких лишних украшений на мече не было, лишь под самой гардой, в основании клинка, мерцал крохотный изумруд. Я благоговейно рассматривал совершенное оружие.

– Это из моей коллекции, – произнес император, – когда—то он принадлежал Ридригу первому.

– Я не могу, ваше... – начал было я.

– Ну конечно можешь, Рик! – воскликнул Ридриг. – Он твой.

Мне всегда казалось, что я равнодушен к оружию, но этот меч словно притягивал меня, манил, обещал невероятные приключения и славные победы, звал куда—то к другой, интересной и полной опасностей жизни. Не хотелось выпускать его из рук, и я зачарованно спросил:

– Как его имя?

– Честный, – ответил император. – Он очень подходит тебе.

Ридриг встал из—за стола, давая понять, что ужин окон-

чен.

– Уже поздно, Рик, ты можешь ночевать во дворце, – сказал он. – Покои остаются твоими навсегда. А завтра поезжай смотреть свой новый дом, надеюсь, он тебе понравится. Кстати, завтрашний день объявлен ежегодным всенародным праздником – днем Сайваара.

Чудны твои дела, всеблагой Луг!

* * *

– Ты понимаешь меня? Мне, даже мне ничего не удалось узнать.

– Но при чем здесь я?

– Это работа для тебя.

– А если я не хочу?

– Не забывай, откуда я тебя вытащил! Никогда не забывай этого, если хочешь жить.

– Да, господин...

– И не спускай с него глаз. Выспрашивай, подглядывай, подслушивай, делай что хочешь – мне необходимо знать, на кого он работает!

– Бастард! Мне становится дурно от одной только мысли...

– Значит, поменьше размышляй.

И грянул народный праздник! С самого утра на площадь Семи королей выкатили бочки с вином, пивом и старкой – пей, не хочу! Бойкие лоточники торговали пирожками с трехухой, мясом, капустой – гент за штуку, жареными сосисками – гент за пару, яблоками, огурцами, и прочей нехитрой закуской. Между пьяными компаниями сновали бродячие фокусники, певцы и музыканты, гитане с дрессированными медведями, гитанки с картами... а сколько было воров, решивших половить свою удачу в карманах подгулявших ремесленников! Любит наш народ праздники, при этом ему совершенно неважно, по какому поводу ликовать. Пиво, старка бесплатно – что еще нужно для счастья? Гуляй, рванина! Ну, а власть имущим это лишь на руку. Пусть веселятся, пусть пьют – лишь бы не бунтовали.

Я с трудом продирался сквозь заповзевшую площадь толпу к улице Розы ветров, уже жалея о своем решении пройти пешком. Демон меня дернул! Предлагал же лакей (или дворецкий, я не разбираюсь) заложить карету. Впрочем, ничего особенно неприятного не произошло, народ находился в той стадии опьянения, когда душу переполняет чувство любви ко всем окружающим. Позже, ближе к вечеру, хмель ударит в буйные головы, и многих потянет в драку. Тогда и начнется самое интересное: стенка на стенку, квар-

тал на квартал, поножовщина... А потом городская стража растащит особо рьяных в Счастливое местечко, трупы – в ров при кладбище, где о них позаботятся могильщики. Те, кто способен идти, разбредутся сами, унося менее подвижных собутыльников. Ночью уборщики выметут мусор, уберут пустые бочки, присыпят кровавые пятна песочком, и к утру площадь перед дворцом снова приобретет свой обычный вид. Меня пьяная толпа ничуть не пугала и не раздражала – и не такое повидал в Портовом квартале. К тому же, человека в форме лейтенанта Ястребов никто заирать не пытался, и даже карманники обходили стороной. Только больно уж медленно приходилось двигаться, обходя очереди, выстроившиеся у бочек, шумные компании и стихийно возникающие представления бродячих артистов.

Выбравшись из толпы, бурно отмечающей устроенный в мою честь праздник, я зашагал в сторону Розы ветров, на которой располагались дома дворян средней руки – не самых богатых и не самых бедных. Центр Виндора устроен так же правильно и геометрично, как и остальные части города. От площади Семи королей, на которой находятся императорский дворец, здание Совета магов, и главный храм Луга, лепестками отходит с десятков улиц, упирающихся в Кольцевую дорогу. Здесь тоже все подчинено сословному признаку. На улице Радуги, к примеру, живут верховные жрецы богов, улица Легкого бриза отдана магам Совета, на улице Благородства обосновались самые богатые и знатные придвор-

ные, и так далее. Роза ветров произвела на меня самое приятное впечатление – здесь было тихо, чисто, и как—то благостно после грязных переулков Портового квартала. Я двинулся по вымощенному разноцветным булыжником тротуару, разглядывая стоящие по обе стороны дороги особняки. Воображение они не поражали, но выглядели добротными и ухоженными. Вчера Вериллий шепнул мне адрес моего дома. Отсчитав пятый от площади по правой стороне, я остановился перед крепкими высокими воротами. Сквозь кованую решетку ограды был виден дом из серого с розовыми прожилками камня. Двухэтажный, как и все на этой улице. Мой или не мой? Я переминался с ноги на ногу, не зная, что предпринять дальше. Войти и объявить, что я – хозяин? Глупо как—то. К тому же вдруг я ошибся, и это чужой особняк? На секунду в душу закралось желание развернуться и уйти отсюда, не испытывать судьбу. Не очаровывайся, и не разочаруешься. Ну, откуда у бастарда взяться дому на Розе ветров? Чушь это все, не может такого быть. Внезапно ворота распахнулись, и передо мной предстал высокий худощавый мужчина лет пятидесяти в строгом, аккуратном коричневом костюме. Гладко выбритое невозмутимое лицо прорезала официальная вежливая улыбка:

– Барон Сайваар?

– Ну... да, – ответил я, вспомнив, что именно такое имя теперь ношу.

– Добро пожаловать, – мужчина отстранился, отвесил лег-

кий поклон и сделал приглашающий жест.

Я вошел. Зеленая лужайка с геометрически правильными клумбами и прямой дорожкой, ведущей к крыльцу парадного входа. Вокруг могучие дубы образуют нечто вроде небольшого парка с тенистыми аллеями. Мило, чистенько, красиво. Это не может быть моим домом. Между тем худощавый человек, понаблюдав некоторое время мой смущенный вид, представился:

– Сэм Блитт, к вашим услугам, господин барон. Я ваш дворецкий.

Час от часу не легче! У меня, оказывается, есть дворецкий. Кто еще, хотелось бы знать? Повар, служанки, конюхи, а может, и жена? Ха—ха! Сколько еще сюрпризов впереди? Видимо, все сомнения и размышления отразились на моем лице, потому что Сэм безукоризненно вежливо произнес:

– Если вас не устраивает моя кандидатура, милорд, могу подыскать другого дворецкого. Но у меня безупречная репутация и рекомендации самых знатных семей Виндора.

Во время этой речи на его лице не дрогнул ни один мускул, но почему—то мне показалось, что Сэм обижен моей реакцией.

– Нет—нет, ни в коем случае! – поспешил я его успокоить. – Просто, понимаете, Сэм, все случилось так неожиданно... я ведь не барон вовсе... то есть, теперь барон... а раньше... – совсем запутавшись, я замолчал.

– Мне известна ваша чудесная история, милорд, – вдруг

выдал дворецкий. — Это большая честь — служить вам. Вы можете располагать мною.

— То есть, поможете советом, если что?

— Не хотите ли осмотреть дом, милорд? — вместо ответа предложил Сэм.

Дом как дом, знаете ли. На первом этаже гостиная, столовая и большой круглый зал, предназначенный, видимо, для проведения балов. От собственно особняка отходят два крыла, в правом — кухня и кладовые, в левом — комнаты для прислуги. Второй этаж — кабинет, библиотека, спальня и гостевые комнаты. Интересно, куда мне столько гостей? Дворецкий неотступно следовал за мной, объясняя, показывая, растолковывая предназначение тех или иных комнат, или незнакомых мне предметов мебели. Некоторые вещи повергали в изумление. Так, например, я и предположить не мог, что большая комната без окон, примыкающая к спальне, суть гардероб, а расположенные в ней вдоль стен бесконечные полки предназначены для обуви. Для сороконожек делалось, что ли? Еще была комната, посреди которой стояло белоснежное корыто, здесь полагалось мыться. К тому же мы совершили обход хозяйственных построек, во время которого выяснилось, что я являюсь счастливым обладателем двух благородных скакунов. Они стояли в расположенной на заднем дворе конюшне. После экскурсии, которая принесла массу впечатлений и порядком утомила, я обнаружил, что перед парадным входом выстроились в ряд какие-то люди.

– Ваша прислуга, господин барон, – пояснил Сэм.

Строй открывала высокая немолодая женщина в белоснежном фартуке и высоком колпаке.

– Тина, кухарка, – представил ее дворецкий. – Моя жена.

Женщина с достоинством поклонилась. Далее следовали две горничные, оказавшиеся дочерьми Сэма и Тины, садовник, лакей, конюх, кучер и мальчик посыльный, он же младший сын супружеской четы. Куда мне такая орава? Заметив мою задумчивость, дворецкий сказал:

– Думаю, мы справимся, милорд. Конечно, на время балов и приемов придется нанимать приходящую прислугу, но...

– Да—да, конечно, – перебил я. – Спасибо, Сэм.

– Не желаете ли отобедать?

Луг милосердный, не знал, что быть богатым и знатным так тяжело! Все время приходится принимать какие—то решения, выбирать между тем и этим, да еще и думать, как ты выглядишь. Обедая в столовой, а дворецкий стоял за моим плечом, меняя тарелки и подливая в бокал вина.

– Садитесь со мной, Сэм, – предложил я, не зная, как избавиться от его навязчивого внимания.

– Но... так не принято, милорд! – в голосе бедняги звучал священный ужас, словно ему предложили сплясать *реллу* в храме Луга. – Слуги не могут садиться за один стол с господами.

– Так никто же не видит.

– Тем не менее, это невозможно, милорд.

– Ну вот что, Сэм, – не выдержал я. – Вы сказали, что знаете мою историю. Тогда должны понимать, что я ничего не смыслю в этикетке. Может, вы будете мне иногда помогать? Ну, подсказывать, что и как нужно делать?

– С удовольствием, милорд.

Весь обед я обреченно слушал лекцию о взаимоотношениях слуг и господ. Выходило, что дружить со слугами нельзя, этим я лишь поставлю их в неловкое положение и уроню собственное достоинство. Еще оказалось, что среди прислуги тоже существует своя иерархия: главный у них дворецкий, он передает распоряжения хозяина и следит за дисциплиной. Со всеми поручениями я должен обращаться к нему, для этого в каждой комнате имеется серебряный колокольчик. А уж Сэм позаботится о том, чтобы мои желания были исполнены правильно и быстро.

– А кто нанял вас? – поинтересовался я.

– Распорядитель хозяйственной службы двора Его императорского величества, – последовал ответ. – Я же взял на себя смелость устроить дом к вашему приезду и нанять прислугу.

– Спасибо, дружище, – я немного растрогался. Возможно, это было следствием употребления крепкого вина из Речного края.

После обеда наконец удалось избавиться от дворецкого, который, предварительно осведомившись, не нужен ли он господину, и получив отрицательный ответ, отправился от-

давать какие—то распоряжения прислуге. От нечего делать я в одиночестве прогулялся по парку, нашел там славную беседку, немного посидел, затем вернулся в дом и поднялся в библиотеку. Подбор книг не порадовал, ничего особенного: история Галатона, история правящей династии, мифы и легенды о богах, и множество модных романов. И ни одной книги о магии. Нет, у дяди Ге библиотека побогаче будет! Чего стоит одна лишь «Антология заклинания» знаменитого мага—чернокнижника Рогдая аль—Тереллина! Так и не выбрав ничего для чтения, я присел за стол и задумался: а чей это, собственно, дом? Кто жил в нем до меня, кто собрал все эти книги? Ведь не может же быть, чтобы особняк выстроили всего за два дня специально для новоявленного барона Сайваара? Надо будет спросить у Сэма. За размышлениями я и не заметил, что на улице начинает смеркаться. День катился к вечеру. В библиотеку неслышно скользнул дворецкий и пригласил меня к ужину. Как бы то ни было, жена его была замечательной кухаркой: мне подали запеченную баранью ногу, жареный картофель, а на десерт – пышный яблочный пирог. Видимо, милейшая Тина не являлась сторонницей новомодного правильного питания и ничуть не заботилась о стройности хозяина. От такой сытной кормежки меня потянуло в сон, в сопровождении дворецкого я прошел в спальню, отметив по дороге, что дом освещается с помощью обычных масляных светильников. Ну да ничего, завтра отправлю Сэма в Торговый квартал, пусть купит у гномов веч-

ные свечи, при моих теперешних доходах это не будет слишком разорительно. На пороге спальни дворецкий почему—то замялся и, не зайдя внутрь, поспешно пожелал мне спокойной ночи. Я немного постоял, прислушиваясь к стуку его каблуков по лестнице, пожал плечами и толкнул дверь.

Спальня, по пышности обстановки разве что совсем чуть—чуть уступавшая тем покоям императорского дворца, в которых я провел прошлую ночь, была освещена двумя светильниками. Один из них стоял на прикроватной тумбе, второй был подвешен к центру потолка. Углы комнаты, которых не достигал их мягкий рассеянный свет, были погружены в полумрак. Неожиданно до ушей донесся легкий шелест, я резко обернулся в ту сторону, от которой шел звук, и увидел, как с кресла в углу поднимается чья—то темная фигура. Тело само приняло оборонительную стойку, губы зашептали заклятие, сбивающее с ног. Из угла раздался мелодичный смешок, затем прозвучало сочное сопрано:

— Не пугайтесь, барон.

Таинственная фигура покинула темный угол и вышла в очерченный светом круг. Передо мной стояла женщина. И какая! Незнакомка была совсем юной, лет двадцати, не больше. Она откинула легкую вуаль, предоставляя мне возможность полюбоваться ее лицом. И было чем! Миндалевидные зеленые глаза спорили своим сиянием и глубиной с изумрудами, украшающими нежные мочки маленьких ушек и длинную стройную шею. Слегка вздернутый задорный носик и

пухлые сочные губы придавали девушке капризный и немного ребячливый вид. Снежная белизна лица контрастировала с черными кудрями, в живописном беспорядке раскиданными по плечам. Фигура... идеальная стройность стана сочеталась с великолепными, выдающимися, необыкновенными округлостями. Ну, вы меня понимаете... Платье я толком не разглядел, не до него было. Могу лишь сказать, что оно, кажется, было зеленым, а декольте будило самые нескромные фантазии. Поняв, что ее появление лишило меня дара речи, красавица заговорила первой:

– Добрый вечер, барон Сайваар.

– Кто вы? – выдавил я.

Не обратив внимания на невежливый тон вопроса, девушка ответила:

– Галианна, – и снова замолчала.

Я немного подождал, ожидая продолжения. Галианна – что дальше? Честное имя, титул: графиня, баронесса, герцогиня? И что, собственно, она делает в моей спальне? Нет, конечно, может, у них, у благородных, так положено – появляться ночью в комнате холостого мужчины, но я боялся попасть впросак и жаждал пояснений. Поскольку их не последовало, счел возможным спросить:

– И что дальше?

Девушка обладала прямо—таки ангельским терпением, она вновь проигнорировала мой хамский тон и произнесла:

– Ничего, просто Галианна.

– Кто вас послал?

Видимо, всякому терпению приходит конец. Зеленые глаза яростно сверкнули, губки сложились в презрительную усмешку:

– Никто не может распоряжаться Дикой кошкой. Я пришла сама.

Вот оно что! Действительно, правый рукав шелкового платья украшала вышивка – изящно выгнувшаяся кошка, знак гильдии дорогих, очень дорогих, ну, просто безумно дорогих блудниц. Эти женщины имеют право выбора, они не торгуют своим телом, как обычные девки с улицы Терпимости. Нет, Дикие кошки – настоящие жрицы Неи. Их внимания принято добиваться, даря драгоценности, роскошные выезды и дома, в их честь слагаются стихи и песни, они украшают своим присутствием столичный полусвет, а некоторые даже блистают на балах света высшего. Их благосклонностью не брезгают даже монархи, и случается, что за троном какого—нибудь короля незримо стоит прекрасная дива, о могуществе которой ходят легенды. Увы, политика часто делается в постели. Дикие кошки умны, образованны, начитанны, они могут поддержать разговор на любую тему, обладают изысканными манерами, прекрасно танцуют. Многие из них могут похвалиться художественными, поэтическими, певческими талантами. В общем, это яркие звезды на небосклоне полусвета. Я только слышал о Диких кошках и читал в романах, но лично не видел ни одной, эта первая. Что же ее ко

мне привело? Такая роскошь мне не по карману, обладать ею может лишь человек, годовой доход которого не меньше десяти тысяч паунсов. Между тем Галианна подошла совсем близко, и я ощутил легкий аромат ириса, исходящий от ее кожи.

– Я пришла сама, Рик Сайваар, – прошептала она. – Пришла, чтобы увидеть героя.

Прекрасная Нея, покровительница влюбленных, да что же творится сегодня? Я совсем потерял голову от ее близости, но нашел в себе силы, чтобы спросить:

– Сколько?

Прежде чем приникнуть к моим губам, она произнесла тихо, одним дыханием:

– Подарок победителю...

* * *

– Ничего не понимаю. Мальчишка ведет себя так, словно он абсолютно чист.

– Так может быть, он действительно оказался там случайно?

– Случайно? А то, что он нафарширован магическими способностями, как жареный поросенок – кашей, по—твоему, тоже случайно?!

– Прочтите его.

– Не могу. Говорю тебе: он не читаем!

— Но как такое возможно, мой господин?

— Не знаю.

— Ну тогда активируйте артефакт.

— Нет. Его смерть привлечет слишком много внимания.

К тому же, император вдруг проникся к нему чуть ли не отцовской любовью.

— Что же делать, мой господин? Он опасен.

— У меня есть одна хорошая мысль...

* * *

Новая жизнь начинала мне нравиться. Утром я долго нежился в постели, любуясь спящей Галианной, затем наконец выбрался в столовую. Девушка даже не пошевелилась, похоже, она не торопилась покидать этот дом. Я так и не понял вечером, как она оказалась в моей спальне. Но спрашивать не стал. Да и кто бы на моем месте озаботился этим вопросом? Ароматическая ванна, клубника со сливками, легкое игристое вино, а потом... Это вам не дешевые девки с улицы Терпимости. Однако за завтраком я решил спросить Сэма, кто впустил Галианну в дом. Дворецкий заметно смутился:

— Леди сказала, что господин барон ждет ее. Как я мог не поверить?

М—да, похоже, особняк Рика Сайваара открыт всем ветрам. С охраной здесь не очень. С другой стороны, кому я

нужен? Разве лучше было бы, если бы девушку не пустили ко мне? Возникло желание разбудить ее нежным поцелуем и, может быть... Я решил нарвать цветов прямо с клумбы и осыпать ими Галианну. Однако моим мечтам не суждено было сбыться, с улицы донесся стук молотка о ворота. Сэм поспешно покинул столовую, затем, вернувшись, доложил:

– Мастер Брохен из штаба Первого полка Имперских ястребов к господину барону.

В столовую, четко печатавая шаг, вошел облаченный в черную форму гном. Суровое, изрезанное морщинами, словно вытесанное из камня его родных гор, лицо, из—под кустистых бровей настороженно поблескивают маленькие глазки, выкрашенная в красный цвет борода аккуратно разделена на две части и заплетена в косицы, которые спускаются на широкую грудь. Вот уж не знал, что они служат в Ястребах! Гномы все больше по торговой, ювелирной и оружейной части, в Восточном луче полно лавок, где они продают мечи, доспехи, и украшения собственной работы. Еще они мастера на всякие полезные в хозяйстве магические штуки, вроде вечных свечей, или самозатачивающихся ножей. Впрочем, этот тоже мастер... Гном поставил на стол небольшой кованый саквояж и спросил:

– Делать прямо здесь будем?

– Что делать? – растерялся я.

– Татуировку, конечно! – недовольно прохрипел мастер Брохен, видимо, сердясь на человеческую недогадливость.

Гномы не отличаются кротостью нрава и не обладают особым терпением. Они вспыльчивы, воинственны, и непоколебимо уверены в своем превосходстве над другими расами. Что ничуть не мешает им с этими самыми расами торговать. Жадность гномов вошла в поговорку, об их сквалыжном характере ходят легенды. Но несмотря на это, торговые представительства горного народа имеются чуть ли не в каждом государстве Аматы. Никуда не денешься – люди уступают детям гор в искусстве изготовления оружия. А этот вот – мастер татуировки. Правильно, как я мог забыть: все Имперские ястребы носят на правом плече знак своих войск.

– Пройдемте в кабинет, уважаемый мастер Брохен, – вмешался Сэм.

В кабинете гном раскрыл свой саквояж, расстелил на столе кусок чистого белоснежного полотна и принялся раскладывать на нем тоненькие кисточки, бутылочки с каким—то темным веществом, необычного вида магические амулеты. Последним он вынул и бережно положил пожелтевший от времени свиток.

– Снимайте рубаху, господин барон, – между делом отрывисто бросил он.

Я стянул тонкую шелковую рубаху, которую утром нашел в своем гардеробе, и по пояс голым предстал перед изучающим взглядом мастера. Не церемонясь, тот ощупал мои плечи, одобрительно пробормотав:

– Хороший материал, кожа не растянется, – затем внима-

тельно присмотрелся к правому плечу, и мне показалось, что в глазах его промелькнула тень сочувствия.

Клеймо бастарда. Немного кривоватая, растянувшаяся из —за роста тела буква «Б».

— Я могу убрать это, господин барон, — вдруг тихо произнес мастер Брохен. — Убрать, а на его месте сделать татуировку. Больно не будет.

Клеймо. Знак, навеки отметивший мою жизнь. Печать безродности, ненужности и отверженности.

... Говорят, люди не помнят того, что происходило с ними в младенчестве. Я помню. Первым моим воспоминанием была боль от впивающегося в плечо раскаленного металла. После она оставалась со мной всегда. Я вырос в воспитательном доме для незаконнорожденных, и не знаю, кто были мои родители. Мне не осталось от них ничего — ни медальона, ни куска пеленки с монограммой, ни колечка, сплетенного из пряди волос. Ничего, что холодными ночами, съжившись под тонким, вытертым до основы одеялом, можно было бы прижимать к щеке, мечтая о семье, представляя себе, какая она, моя мама... Я ни разу не произнес этого слова вслух. Сейчас понимаю, что это к лучшему. Среди нас были дети, которых отдали в воспитательный дом не сразу после рождения. Некоторое время они жили при домах своих отцов, но затем, видимо, утомившись лицемерить доказательство своего греха, те отводили бастардов туда, где им было самое место. Таким детям было гораздо труднее, они все время ждали, что

их заберут обратно, плакали, не в силах привыкнуть к суровым условиям приюта, к холоду и голоду, рваной одежде, жестокости наставников. Мне не на кого было надеяться, и я выжил. У меня не было друзей, ни у кого из нас их не было. Мы рано поняли: если хочешь жить, борись. Борись за последний кусок хлеба в обед, за одеяло потолще, борись за свою единственную рубашу, иначе ее отберет тот, кто сильнее. Дерись, если тебя обидели, иначе потом обидят еще хуже, дерись со старшими, дерись с сильнейшими. Вставай, когда тебя побили, и снова бросайся в бой, дерись за право жить, демон тебя побери!

Иногда к нам приходили люди, чтобы выбрать себе слуг. Требовался ли ремесленнику подмастерье, или торговцу ловкий посыльный, служанка в небогатую семью, мальчишка—конюший, или юная блудница в дом на улице Терпимости — шли к нам. У детей из сиротских домов был шанс, что их усыновят, у нас нет. Закон империи запрещает усыновлять незаконнорожденных. Оставалась лишь надежда попасть в услужение к хорошему человеку. Некоторым это удавалось, они находили добрых хозяев, и служили им верой и правдой, благодарные за то, что им подарили почти нормальную жизнь. Порой такие счастливицы даже женились и брали честное имя своей половины, законом это, как ни странно, разрешено. А иногда — о чудо — им удавалось выучиться на мага второй степени, о таких в нашем доме ходили легенды. Правда, не знаю, сколько в них было истины.

Ведь за обучение надо платить деньги, а откуда они у бастарда, находящегося в бесплатном услужении? Тем не менее, каждый из воспитанников надеялся на удачу, и изо всех сил старался понравиться человеку, который искал себе слугу. Я же не желал участвовать в этой ярмарке рабов, и каждый раз прятался в дальний угол. Будущее виделось мне вполне определенно: до двенадцати лет воспитательный дом, потом – улица, где такие как я ежегодно пополняют армию нищих, воров и грабителей.

Этот день я помню очень хорошо. Всех нас согнали в столовую, чтобы очередной охотник до дармовой прислуги выбрал себе подопечного. Я снова забился в угол и наблюдал оттуда, как мои товарищи, выстроившись в ряд, с заискивающими улыбками приветствуют немолодого коренастого человека. Тот неторопливо прохаживался по столовой, внимательно разглядывая детей. Неожиданно он подошел ко мне и, присев на корточки, спросил:

– Как тебя зовут, малыш?

У него было доброе лицо и лукавая улыбка. Я посмотрел в хитрые глаза и ответил:

– Рик.

– А я – дядюшка Генериус, ты можешь называть меня просто дядя Ге. Сколько тебе лет, Рик?

– Пять.

– Ну что, Рик, пойдем домой, – дядя Ге взял меня за руку и подвел к наставнику.

– Я забираю этого, – сказал он.

Этот день был началом моей жизни.

В тот день мне улыбнулась удача, и Луг явил свое милосердие. Иногда я гадаю: а как сложилась бы моя жизнь, не обрати дядя Ге внимания на хмурого, упрямого, вечно ждущего тычка или грубого окрика мальчишку? И что стало с теми, кому повезло меньше? Мне часто снится кошмар: я вижу грязный и холодный воспитательный дом, спальную комнату, двухъярусные расшатанные нары. А на них – дети. Худые, оборванные, голодные. Лица со впалыми щеками, злые, как у хищных зверушек, глаза. Будущие преступники, будущие смертники. Дети любви, никогда ее не знавшие. Маленькие заложники судьбы, отверженные по праву рождения. Бастарды...

– Спасибо, мастер Брохен, – сказал я, постаравшись вложить в свои слова как можно больше теплоты. – Я хочу это оставить.

Гном некоторое время буравил меня маленькими глазками, затем медленно проговорил:

– Я бы сказал, что это очень мудрое решение, господин барон. Если бы оно не было таким глупым.

Уроженцы гор любят говорить загадками, такой уж это народ.

Мастер Брохен выбрал самую тоненькую кисточку, раскрыл пузырек с резко пахнущей черной жидкостью и принялся за работу. Расписывая мое плечо, он бормотал, словно

про себя:

— Беда вашей расы в том, что вас слишком много. Поэтому люди и не умеют ценить дар жизни. Для *б'хойч* ребенок — всегда ребенок, от кого бы он ни был рожден...

Закончив наносить штрихи на мое плечо, гном отошел в сторону, полюбовался на свою работу, затем взял со стола свиток, развернул его и принялся читать вслух длинное заклинание. Гномий язык звучал для меня полной тарабарщиной. Благодаря усилиям дядюшки Ге я немного знаком с эльфийским, плавная напевность которого завораживает. А язык горного народа какой—то лающий, резкий. На нем хорошо, наверное, звучат боевые песнопения, марши и военные команды. Закончив заклинание, мастер Брохен вытряс из крохотной склянки себе на руку щепотку белой пыли и, поднеся ладонь к моему плечу, дунул. Поднявшись в воздух, пыль устремилась к рисунку, и я почувствовал на коже неприятное жжение. Нанесенная кисточкой картинка словно проникала в плоть, вызывая болезненные ощущения. Я поморщился.

— Потерпите, господин барон, — спокойно произнес гном. — Разве это боль...

Он взял кисточку потолще, обмакнул ее в пузырек с розовой жидкостью и несколько раз провел по татуировке. Боль отступила. Мастер подвел меня к небольшому зеркалу, висевшему на стене кабинета.

Раскинув черные крылья, на моем плече парил гордый

ястреб, сжимая в когтях букву «Б» – знак бастарда.

– Вам надлежит явиться в штаб Первого полка для занесения в списки и постановки на довольствие, – сухо проговорил гном и, не слушая моих благодарностей, удалился.

Я надел рубаху и собрался было навестить Галианну, но в кабинет вошел Сэм.

– Мастер Авериус к господину барону!

А это еще кто? Через порог перекатился веселый толстячок и осведомился:

– Уже выбрали?

– Что именно? – ласково уточнил я.

– Как что? – возмутился мастер. – Рисунок для герба, конечно!

– Герб?

– Мастер Авериус прибыл из Гერальдического управления, милорд, – пояснил дворецкий. – Вам необходим герб.

– Зачем он мне, Луга ради? – поразился я.

– Чтобы размещать на дверцах кареты, воротах, штандартах, а потом передать вашим детям, – сообщил толстяк. – Вы скажите примерно, чего хотите, а я потом нарисую.

– Рисуйте, – ответил я, снова стянул рубаху и указал мастеру Авериусу на правое плечо.

* * *

– Что ты можешь о нем сказать?

— Он молод, красив, и великолепен в постели.

— Дрянь! Ты испытываешь мое терпение. Что тебе удалось узнать?

— По—моему, невинен, как младенец.

— Значит, ты тоже не справилась. А он хитер! Что ж, мальчика не оставляет мне выбора. Почему ты хмуришься?

— Ты убьешь его?

— А тебе жаль?...

* * *

Прошла неделя, я понемногу свикался со своим новым положением. С помощью мягкого руководства Сэма осваивал хорошие манеры. Получил в имперском банке часть причитающейся мне ренты и выплатил слугам первое жалованье. Жизнь налаживалась. Огорчало лишь одно: я никак не мог выбрать время, чтобы навестить дядюшку Ге. Это обстоятельство заставляло меня чувствовать себя неблагодарным и бессовестным человечешкой. Конечно, дядя должен был очень волноваться за своего непутевого воспитанника. Представляю, что подумал бедный старик, когда матросы с «Люсинды» доставили ему товары и рассказали, что меня увели императорские гвардейцы. В свое оправдание могу сказать: у меня действительно не было свободной минутки. То есть такой минутки, чтобы я находился один. К тому же,

не оставляло странное чувство, что я все время нахожусь под прицелом чьих—то внимательных глаз. Не хотелось подводить дядюшку под подозрения. А как иначе было передать ему капсулу с пауронием, которую я все время носил в кармане штанов? Между тем я даже по улице не мог пройти, не став объектом чьего—нибудь навязчивого внимания. Уж не знаю зачем: то ли случайно, то ли для благого примера народу, из меня сделали героя. На ярмарках и площадях бродячие артисты устраивали представления под названием: «Спасение императора, или добродетельный бастард», уличные барды распевали баллады в мою честь, а лоточники всюду продавали дешевенькие, намалеванные на плохой бумаге, но тем не менее вполне узнаваемые портреты вашего покорного слуги.

Утро мое начиналось с отчета дворецкого о хозяйстве, затем я отдавал Сэму необходимые распоряжения и шел в кабинет. Потом до самого обеда ко мне косяком тянулись посетители. Вот уж не думал, что когда—нибудь понадобится такому количеству людей! Портные, сапожники, посыльные из Геральдического управления, которое до сих пор не могло нарисовать мне герб, вестовые из штаба полка, почему—то озабоченные необходимостью ознакомить меня с очередным приказом или распоряжением... После обеда за мной присылали карету, и я ехал ко двору. Зачем императору требовалось мое ежедневное присутствие во дворце — я понятия не имел, но не спорить же с монархом! Пару раз я при-

существовал на семейных ужинах, три раза на больших приемах, где перезнакомился с кучей народу, а один раз даже был на балу, где изрядно оконфузился. Одна из придворных дам спросила, почему я не танцую, пришлось сознаться, что не умею. Не плясать же мне, в самом деле, реллу! Все бы ничего, но этот диалог дошел до ушей Ридрига, и на следующий день ко мне явился придворный учитель танцев.

Каждую ночь ко мне приходила Галианна. Уж не знаю, чем я ее так привлек, но девушка дарила мне свою любовь, ничего не требуя взамен. Я человек не жадный, и не раз предлагал ей деньги. Галианна неизменно отказывалась, тогда я преподнес ей перстень с рубином. Она взяла и очень хвалила, но просила больше так не делать. Мол, она со мной не из —за денег.

В тот день все было как всегда. Я одевался, с минуты на минуту ожидая карету, чтобы отправиться ко двору, где мне предстояло отужинать с августейшим семейством. С лестницы раздался грохот и протестующее восклицание Сэма. Вскоре в гардеробную, отмахиваясь от дворецкого, который стремился доложить о посетителе по всей форме, ворвался запыхавшийся юный вестовой.

– Приказ для господина лейтенанта!

Он протянул мне пакет из плотной бумаги.

– Спасибо, – скучливо ответил я.

Появление очередного приказа не удивило, мне их носили каждый день: согласно распоряжениям мне то надлежало

явиться в штаб для выяснения каких—то мелочей, то предписывалось купить нашивки нового образца. Я собрался было зашвырнуть конверт на полку с обувью, но парнишка настойчиво проговорил:

– Приказано дожидаться, когда господин лейтенант ознакомится лично.

Пожав плечами, я вскрыл пакет, пробежал глазами ровные строчки и обалдело замер. В приказе говорилось, что мне, лейтенанту Рiku Сайваару, через двое суток необходимо явиться в штаб Первого полка для отправки с секретной военной миссией ни много ни мало – на Южный континент! И еще: мне предстояло принять под свое командование роту!

– Сколько солдат в роте? – обморочным голосом спросил я вестового.

Казалось, тот немного удивился такой безграмотности.

– Сто человек, господин лейтенант!

Сто человек! Сотня отборных, опытных воинов, которыми я должен буду как—то командовать! И что же теперь прикажете делать? Может, попросить императора, чтобы приказ был отменен? Неудобно, еще подумает, что боюсь. Но если я действительно боюсь! И в большей степени не за себя, а за тех несчастных, что поступят под мое командование. Я же их в первом бою всех угроблю! Какой из меня, к Бездне, вояка?

– Карета подана, милорд, – напомнил Сэм.

Мальчишка лихо козырнул, щелкнул на прощанье каблуками сапог и вылетел из комнаты.

Учитывая последние события, настроение у меня было не самое радужное. За ужином я свирепо косился на так некстати разошедшегося принца Келдина. Изысканный превзошел самого себя, он явился к столу в голубеньком, расшитом блестками килте, подозрительно напоминавшем юбочку циркачки. Весь вечер его высочество демонстрировал стройность своих ног, то и дело вскакивая из—за стола, чем вызвал у меня желание предложить ему отправиться повоевать. Авось, Ястребы сделают из него кого—нибудь, если не мужчину, так хотя бы покойника. Слава Лугу, император не обращал внимания ни на выходки своего сыночка, ни на мое к ним отношение. Он был занят разговором с Вериллием:

– Так вы считаете, одного полка будет достаточно?

– Более чем, ваше величество. Тысяча отборнейших ветеранов против горстки зарвавшихся парганцев – наши ребята смешают их с грязью.

– Хм, а коренных жителей вы не учитываете?

– Но что могут дикари против регулярных войск империи?

– Не знаю, – задумчиво протянул Ридриг. – Прежде они никогда не восставали.

– В любом случае, мы не можем отзывать войска от границы с Парганией. Там очень неспокойно, ваше величество.

– А что Лесной край?

Я насторожился, вспомнив, что именно в Лесном крае находилось подаренное мне имение.

– Кажется, эльфы со дня на день готовятся нарушить Лендсонский договор. Боюсь, скоро там начнутся боевые действия.

Император отшвырнул салфетку и залпом выпил бокал вина.

– Похоже, Алмазный век закончился.

Вот это новости! Пятьсот лет назад, превратив Галатон в самую могущественную империю Аматы и заключив с эльфами бессрочный договор о ненападении, Ридриг первый положил начало эпохе, которую называют Алмазным веком. На протяжении всего этого времени страна процветала и богатели, и ни разу за эти годы на территории Галатона не было войн. Случалось, империя ввязывалась в заварушки, но всегда воевала на чужой земле, что в конечном итоге шло лишь на пользу – если не гражданам, то уж казне точно. Да, Ридриг, безусловно, прав: если *Белоглазые* выйдут из своего Аллирила и нападут на Лесной край, это будет означать первую за полтысячи лет серьезную войну.

– Скорее всего, произойдет резкий скачок цен на оружие и доспехи, – добавил Верховный. – Эльфы в несколько раз взвинтили пошлины за переход через их земли. Гномы уже выражают недовольство.

Ну, просто новость за новостью! Для жителей гор Золотой цепи переход через Аллирил – единственный способ попасть в Галатон. Поэтому гномы, отправляющие в империю целые караваны с оружием, доспехами, и прочим товаром, а назад

везущие ткани, одежду, обувь, провиант, и многие другие вещи, вынуждены соглашаться с любыми условиями эльфов. Те же не теряются, под разными предложениями повышая плату за сомнительное удовольствие пробираться сквозь чащу по узким тропинкам. Есть, правда, в Аллириле так называемый тракт для караванов, но и он представляет собой узкую просеку, по которой с трудом проходит повозка, запряженная парой лошадей.

– Хорошо, – решил Ридриг. – Указ об отправке дополнительных войск в Лесной край будет завтра.

– Ваше величество, – Вериллий был заметно смущен. – Совет позволил себе... лишь из—за крайней необходимости... – он потянул откуда—то из—под стола пергаментный свиток. – Нужна только ваша подпись и императорская печать.

Разворачивая указ, Ридриг недовольно хмурился. Конечно, какому монарху понравится, что указ составлен по чьей—то инициативе, а от него требуется лишь подпись.

– Почему вдруг такая заваруха в Аллириле? – отрывисто спросил он, внимательно изучая написанное на пергаменте.

– Убийства продолжаются, ваше величество.

Храни нас, Луг милосердный! Значит, то, о чем поговаривали люди в трактирах, правда! Ходили слухи, что в последние два года время от времени эльфы расправляются с жителями Лесного края. Нет, конечно, о такой кровавой резне, как во времена Смуты, речи пока не шло. Но рассказывали,

что на окраине леса то и дело находят мертвецов, и – самое подозрительное – они убиты из лука. Стрелы, ставшие оружием убийства, найти не удалось. Они были вырезаны из тел, как это обычно делают воины Белоглазых. Случались даже нападения на солдат из пограничных отрядов. Правда, те выжили, Имперские волки – народ серьезный. Но все они уверяли, что в момент нападения видели зеленые костюмчики, да размалеванные хари с бесцветными глазами. Да уж, я сегодня много узнал! Аппетит у меня отшибло начисто, в голове билась единственная мысль: при таком раскладе от военной службы, пожалуй, не отвертеться. Вериллий словно прочел мои мысли:

– Рик, тебе уже сообщили, что твой полк отправляется с миссией на Южный континент?

– Да, – неохотно протянул я.

– Как? – вскинулся принц Келдин. – Почему именно Рик?

– Для воодушевления и повышения боевого духа среди воинов, ваше высочество, – парировал Верховный. – Вы же знаете, как наш Рик Сайваар популярен в народе. Герой не может оставаться в стороне, его участие в кампании вызывает доверие людей.

Ну, теперь решающее слово за императором. Если не возразит – пиши пропало, истлевать моим косточкам где–нибудь в Пустыне призраков, или в джунглях Зеленого сердца! Затаив дыхание, я ждал реакции Ридрига. Тот лишь рассеянно кивнул, слушая рассуждения Вериллия о причинах мо-

его отправления на войну. Дарианна тоже приняла новость спокойно. Вот она, благодарность власть имущих! Я нетерпеливо дожидался конца ужина, чтобы ринуться домой. Уж если суждено сложить голову на чужбине, надо хотя бы привести в порядок дела. Завещание, к примеру, написать. Дом со всем его содержимым и хозяйственными постройками я решил оставить дядюшке Ге, а имение и доход с него – Галианне в благодарность за прекрасно проведенные ночи. В моем распоряжении имелось всего двое суток. За это время мне нужно было найти поверенного, оставить ему бумагу со своей последней волей, дать Сэму распоряжения по управлению домом, попрощаться с Галианной, а самое главное – навестить дядю Ге. Может, конечно, я и вернусь из похода живым, но лучше предусмотреть все возможные исходы. Но и этим скорбным планам не суждено было сбыться. Когда я уже считал минуты до того, как император покинет столовую, и мне можно будет ретироваться, Ридриг вдруг сказал:

– Поздно уже, Рик, ты можешь переночевать во дворце.

Возразить у меня пороку не хватило, от монаршего гостеприимства не отказываются. Физиономия Келдина подозрительно замаслилась. От души надеясь, что мне не придется всю ночь отбиваться от любвеобильного принца, после ужина я проследовал в свои покои. Устроившись на мягкой постели, некоторое время предавался воспоминаниям о Галианне, потом незаметно для себя уснул.

Пробуждение было таким же шокирующе—необычным,

как и все, что случалось со мной в последнее время. Я очнулся оттого, что кто—то настойчиво тряс мое плечо. Раскрыв глаза, увидел склоняющуюся ко мне в темноте белую фигуру. Приготовился было заорать, но на губы легла благоухающая ручка с тоненькими пальчиками. Убедившись, что передо мной не призрак, я слегка успокоился и потер глаза, желая рассмотреть загадочную незнакомку. Чиркнула спичка, в руке женщины вспыхнула обычная, не вечная, свеча. У кровати собственной персоной стояла ее высочество Дарианна! Я слегка загрустил: скудные прелести принцессы не будили моего воображения, и ничего такого в отношении нее я предпринимать не собирался. Но истолковать ее появление у моей постели как—то иначе не мог, поэтому просто лежал и хлопал глазами, отдавшись на милость Неи. Однако Дарианна не торопилась с изъятием нежных чувств: увидев, что я окончательно проснулся, она отправилась к двери, жестом приказав следовать за ней.

От удивления позабыв обуться и одеться, я босиком, в одном нижнем белье, пошлепал по темному пустынному коридору вслед за принцессой, которая, высоко подняв свечу, освещала нам путь. Проведя меня через бесконечные анфилады комнат и несколько запутанных переходов, Дарианна наконец остановилась в небольшом помещении, больше всего похожем на кладовку или чулан. Здесь громоздились кучи старой, пахнущей сыростью, одежды, была навалена какая—то поломанная мебель, высились пыльные горы растре-

паннных книг, и валялись прочие ненужные и вышедшие из употребления вещи. Принцесса подтолкнула меня к стене, я шагнул, споткнувшись о какой—то рваный башмак, и уперся руками в маленькую, ниже человеческого роста, дверцу. Обиженно заскрипев, дверца отворилась, и я увидел узкую комнату без окон, из глубины которой навстречу мне двинулся человек.

– Заходи, Рик, – полушепотом произнес он.

Подпихиваемый Дарианной, я перешагнул порог и только тогда узнал в незнакомце Ридрига второго. Принцесса между тем плотно притворила за собой дверь и присела в одно из стоящих посреди комнаты кресел.

– Удивлен? – уже в полный голос спросил император.

Я промямлил в ответ что—то невразумительное.

– Есть разговор, – обыденно сказал Ридриг, усаживаясь рядом с дочерью. – Ты, наверное, не раз задавался вопросом: зачем я представил тебя ко двору и приблизил к себе как друга. Дело в том, Рик, что мне нужен был человек, которому я мог бы полностью доверять. Все это время я присматривался к тебе и пришел к выводу: лучше тебя никто не справится с моим поручением. В любом случае, тянуть уже нельзя, а другого кандидата у меня нет.

– Каким поручением? – обуреваемый дурными предчувствиями, я рухнул в кресло.

– Об этом чуть позже. Сейчас я попытаюсь вкратце описать тебе происходящее в империи, чтобы ты понял всю важ-

ность возлагаемой на тебя миссии. Сначала небольшой экскурс в историю. Наверное, тебе известно, что империю в том виде, в каком она существует и по сей день, создал Ридриг Просвещенный. Но думаю, не ошибусь, если предположу, что грядут важные перемены, и не в лучшую сторону.

Ну, это не новость. Старики давно поговаривают: быть беде. Правда, старики говорят так всегда, а что за беда случится, и когда это произойдет, не указывают. Но вот дядюшка Ге в последние полгода тоже предрекал неприятности. А не верить ему у меня нет оснований. Старый хрыч нечасто ошибается в гадании по кофейной гуще.

– Вижу, ты не удивлен, – мрачно усмехнулся Ридриг. – Тогда продолжу. Скоро Алмазному веку настанет конец, империя обречена на войны. Первая назревает в Лесном крае: как ты слышал сегодня, эльфы совершают вылазки к жилищам людей, и это всегда заканчивается одинаково.

– Но ведь Лендсонский договор... – начал было я.

– Действителен лишь до тех пор, пока одна из сторон не нарушит пункт о неприкосновенности жизни, – перебила еще одна фигура, выбравшаяся из темного угла комнаты и оказавшаяся при ближайшем рассмотрении Вериллием. – Разведка докладывает, что эльфы считают нарушителями именно нас. Дело в том, что убитыми находят не только людей. Сейчас трудно сказать, кто явился зачинщиком, но Первозданные прощать не приучены. Теперь о нашем основном политическом противнике. Паргания претендует на

увеличение влияния в колониях. К тому же, ее народ недоволен правлением нынешнего императора, и вот—вот восстанет. Думаю, для того, чтобы отвлечь подданных от насущных забот, государство вполне способно развязать войну. Сдерживает Парганию лишь необходимость оттягивать большую часть войск на северо—запад.

Что там у Паргании на северо—западе? Ах да, конечно, орки! Нам в этом отношении повезло несказанно больше: с эльфами худо—бедно можно договориться. Народ они, конечно, гордый и воинственный, но если уважать их суверенитет, в драку не полезут. А вот племена Диких спят и видят, как бы уничтожить все человечество.

– Ну и, наконец, третья война уже идет, – подхватил Ридриг. – Колониальная война. На Южном континенте захвачены Санма и Куум – страны, в которых добывается основная часть паурония. Первый полк отправляется туда, чтобы выбить парганских солдат.

Все же я не улавливал смысла этой беседы. Ну, войны, ну, политика. Но при чем здесь бывший бастард, а ныне – лейтенант Имперских ястребов барон Рик Сайваар? Видимо, непонимание отразилось на моем лице, потому что Ридриг сказал:

– Потерпи, Рик, скоро мы доберемся до цели нашей встречи. Итак, наше государство находится в трудном положении и рискует потерять свою главенствующую роль в мире. Теперь любая смена власти, или внутренний переворот были

бы катастрофой. Если бы то покушение удалось...

– То к власти пришел бы Келдин! – негодуяще воскликнула Дарианна.

– Да, – подтвердил император, успокаивающе прикасаясь к руке дочери. – Согласно закону, корона переходит наследнику мужского пола. И лишь в случае отсутствия такового, трон достается женщине. Ты видел Келдина, Рик, можешь себе представить, какой из него получится монарх.

Это точно! Его высочество, по моему разумению, способен только ногти шлифовать. Ни отцовского спокойного величия и ума, ни сестринского пылкого характера у него не имелось.

– Итак, ты понимаешь, Рик, что страна находится в кольце. Но и это еще не все, – это уже вмешался Вериллий. – Помимо эльфов и парганцев, в игру вступила еще одна сила. И мы не знаем, кто это. Скорее всего, именно эта неведомая сила и двигала кайларом в тот миг, когда было совершено покушение.

– Но как же так? Убийца нападает на императора, в центре города, среди дня, и вы даже не знаете, кто за этим стоит?

Ну, не мог я поверить, что глава Совета магов, самый могущественный волшебник империи, да чего там, наверняка всего мира, не в состоянии отыскать врага.

– Я – маг, а не божество, – вздохнул Верховный. – Поверь, Имперские псы роют землю день и ночь, а лучшие волшебники Совета круглые сутки трудятся в своих лабораториях.

Но пока мы можем сказать лишь, что имеем дело с магией Бездны.

– Да какая там магия Бездны, – возмутился я. – Обычный «Поцелуй саламандры»! Сложное, конечно, заклятие, но ничего сверхъестественного!

– Само заклятие – да, – тонко улыбнулся Вериллий. – Но вот энергия, питавшая убийцу, не совсем обычна. Через час после смерти его тело претерпело изменения. Попросту говоря, превратилось в лужу слизи. Так бывает, лишь когда колдун вступает в сговор с богами Бездны, отдавая им себя в обмен на силу.

– Ну, пусть так, – возразил я. – Но что мешает Совету разобраться с новым врагом?

– Перед магией Бездны мы бессильны, – развел руками Верховный. – Ни я, ни какой—либо другой маг не знаем о ней ничего.

Час от часу не легче! Я привык думать, что для Совета магов нет ничего невозможного. Кстати, так считает любой житель Галатона. А тут они расписываются в своей беспомощности. Да одно это хуже всех Белоглазых и парганцев с орками в придачу! Узнай об этом народ – такая паника начнется! Тем не менее, я все еще не видел причин, по которым два первых лица государства исповедуются перед бастардом. К сожалению, эти причины растолковали гораздо раньше, чем мне бы хотелось.

– Это подводит нас к главной цели нашей встречи, – про-

изнес Ридриг. — Я хочу попросить тебя об услуге, Рик... нет — нет, не отвечай, пока не узнаешь, в чем она заключается. Ты можешь отказаться. Потому что это сопряжено с большой опасностью, и браться за это дело может только человек, уверенный в его правильности.

Император помолчал, собираясь с мыслями, и, когда он вновь заговорил, голос его звучал глухо и взволнованно.

— Я недаром упомянул о Ридриге Просвещенном. Скажи, ты никогда не задумывался, как у него получилось в течение десяти лет объединить разрозненные провинции, создать могучую империю, заключить мирный договор с эльфами, разрядить внутреннюю обстановку в стране, и присоединить колонии Южного континента? И все это при том, что у него почти не было единомышленников, все вокруг осуждали императора за излишне смелые нововведения.

Призвав на помощь все свои скудные познания в области истории, я ответил:

— Ему удалось привлечь на свою сторону магов, с их помощью он и навел порядок. До Ридрига первого волшебство в стране было запрещено. А потом, в благодарность за поддержку, он издал закон, разрешающий некоторые виды магии и создал Совет магов.

— Да, так написано во всех летописях. Но подумай: несколько сотен лет волшебники подвергались гонениям, тех, кого подозревали в колдовстве, сжигали на кострах. Существовали даже специальные войска, которые занима-

лись отловом магов. Уничтожались книги заклинаний, научные труды, даже лаборатории алхимиков! Неужели Ридриг первый сумел бы собрать целое войско хорошо обученных, сильных чародеев? Откуда им было взяться, если все необычное, выходящее за рамки человеческого понимания, год за годом старательно выкорчевывалось?

– Ну, тогда не знаю...

– Никто не знает. Да, Ридриг действительно принял закон о разрешении Светлой магии, открыл университет и создал Совет магов. И через несколько лет это дало первые результаты: волшебство впервые в истории Галатона служило людям, исцеляло и обучало, строило и созидало. Но император разрешил магию совсем не в благодарность за помощь, нет, мудрый монарх просто осознавал необходимость использования столь мощной силы во благо страны.

Ридриг замолчал, то ли собираясь с мыслями, то ли переводя дыхание после долгой речи. Дарианна нетерпеливо воскликнула:

– И кто же помог Просвещенному? Ведь ты же знаешь, отец, правда?

– Я знаю лишь то, что рассказал мне мой отец, – ответил император. – А ему – его, так эта история передавалась от отца к сыну внутри нашей династии. Я должен был бы рассказать ее всего один раз – на своем смертном одре, принцу Келдину. Но решил нарушить традицию. Итак, слушайте. Эта легенда гласит, что Ридриг призвал на помощь силы, ра-

нее никогда не вмешивавшиеся в ход человеческой истории.

Я внимательно слушал: люблю старинные сказки! Видимо, Вериллий разделял мое мнение, потому что внимал императору с искренним интересом, смешанным с изумлением.

— Принято считать, что первыми созданиями в мире Аматы стали эльфы — недаром их называют Первозданными. Но легенда утверждает, что это не так. Существует более древняя раса — раса Изначальных, которая появилась в мире независимо от древних богов — Абсолюта и Хаоса, создавших всех остальных разумных существ.

— А кто же их создал? — удивился я.

— Легенда этого не объясняет. В ней говорится лишь, что от этой расы, некогда многочисленной, осталась лишь малая горстка, небольшое племя, которое обитает где—то в джунглях Зеленого сердца.

Ну, про Зеленое—то сердце можно каких угодно легенд наплести, все равно никто не проверит! Это — огромные, совершенно непроходимые и неизученные джунгли в центре Южного континента. О них сложено много сказок и преданий, и то, которое поведал Ридриг, еще не самое удивительное. Я лично слышал с десятков: и про жутких чудовищ, обитающих в сырых тропических лесах, и про чудесных зверей, обладающих волшебными свойствами, а уж про всякие магические племена—то чего только не придумано! Те немногочисленные смельчаки, как правило, из ученых магов, которые отправлялись в джунгли, чтобы попытать удачи и найти

что—нибудь такое волшебное, назад не возвращались. Тем временем, император продолжал:

— Пятьсот лет назад к Ридригу первому явился один из Изначальных и предложил ему свою помощь. Именно благодаря ему удалось спасти Галатон и превратить его в великую империю.

Хм, как—то неубедительно. С чего бы Изначальным проявлять такое милосердие? Почему им в джунглях не сиделось? На лицах Дарианны и Вериллия тоже отразилось сомнение. Император пояснил:

— Легенда говорит, что Изначальный предложил сделку: за помощь Ридриг должен был отдать ему тысячу детей — тех, на кого укажет маг.

— И он согласился? — вырвалось у меня.

Тысяча детей, сгинувших в джунглях Зеленого сердца! Оказывается, такова плата за пятьсот лет благополучного существования.

— Пойми, Рик, у него не было выбора, — извиняющимся тоном проговорил император. — Страну раздирали войны и бунты. Тысяча жизней за жизни миллионов — достойный обмен. К тому же, Изначальный заверил Ридрига, что детям ничего не грозит — они станут преемниками великих магов. Изначальным требовались ученики, которым они могли передать свои знания.

Да уж, недаром говорят: политика — грязное дело. Казалось бы, Ридриг Просвещенный — самый почитаемый мо-

нарх, почти возведенный в ранг бога, и нате вам – отдал де-тишек невесть кому, лишь бы соблюсти политические ин-тересы! Многое в этой истории казалось мне странным и непонятным, концы с концами явно не сходились. К примеру, зачем этим великим магам понадобились ребятишки? И почему именно наши? Что, своих наделать не могли? Или взять кого поближе, из племен континента, например? Забавная сделка: создать великую империю, а взамен попросить тысячу голодных ртов.

– Ты должен найти племя Изначальных, Рик, – огорошил император. – И убедить их прийти на помощь, как пятьсот лет назад.

Вот это порадовал, так порадовал! Добраться морем до Южного континента – и это притом, что я не переносу качки, залезть в джунгли, и разыскать племя, которое, возможно, существует лишь в воображении Ридрига. Кстати, даже если произойдет чудо, и я проделаю все это, не сломав себе шею, то как мне убеждать Изначальных прийти на помощь империи? И еще...

– Но почему именно Рик? – Вериллий прервал мои размышления, озвучив вопрос, который, собственно, меня и мучил.

– В легенде говорится, что Изначальный запретил Ридригу искать его племя. Но предрек: через пятьсот лет Галатон снова постигнет беда. Проснутся неведомые доселе силы, и захлестнут мир, сея войны, смерть и разрушения. И тогда

явится спаситель, лишь он сумеет помочь империи. Я уверен, что речь идет о тебе, Рик.

Ага, вот уже и пророчество появилось – все как положено. Так мне и надо, нечего было лезть не в свое дело. Теперь уж не отвертеться: жизнь спас, за что и ношу честное имя Сайваар. Идеальная кандидатура! Похоже, Вериллий ни о легенде, ни о пророчестве ничего не знал, поскольку его лицо выражало крайнюю степень удивления и озадаченности.

– Но почему ты мне раньше ничего не сказал? – спросил он императора.

– Пойми, я и так нарушил традиции рода! – ответил Ридриг.

Великие отбросили придворный этикет, разговаривая, как старые друзья.

– Ну, и каким же образом мальчик разыщет это загадочное племя?

– Не знаю. Но надеюсь, это немного облегчит ему работу, – император протянул мне массивный перстень, украшенный гербом. – Когда решишь, что пришло время действовать, покажи печать полковнику. Даю тебе право распоряжаться ротой по твоему усмотрению.

Час от часу не легче. Теперь оказывается, что сгинуть в Зеленом сердце предстоит не мне одному, но еще и сотне солдат.

– Предположим, Рик справится и найдет Изначальных, – не успокаивался Вериллий. – Что он предложит им в обмен

на помощь?

– То же, что и в прошлый раз, – твердо ответил император.

А вот это уже без меня! Я вскочил на ноги, намереваясь покинуть комнату. Если для достижения мира в империи требуется погубить тысячу детей, то гент цена такому миру! Выдернуть ребят из семей и отправить в джунгли неведомо с какой целью – чистой воды изуверство. Может, Ридриг этого и не понимает, но уж я—то знаю, что такое полное сиротство и одиночество.

– Подожди, Рик, – мягко остановил меня Верховный. – Понимаю, что ты сейчас чувствуешь, и поэтому предлагаю компромисс: ты находишь Изначальных и узнаешь, что случилось с детьми, которых отдали пятьсот лет назад. И если поймешь, что они прожили счастливую жизнь – предлагай сделку. Если же нет...

– Никакая счастливая жизнь не заменит семьи! – выкрикнул я, на мгновение забыв, с кем разговариваю.

– Согласен, – тут же нашелся Вериллий. – Но ведь можно отдать детей из воспитательных домов и сиротских приютов. Вдруг это изменит их судьбу в лучшую сторону?

Голос мага звучал мягко и вкрадчиво.

– К тому же, ты можешь извлечь из этого путешествия и личную выгоду. Ведь тебе ничего не известно о твоих родителях, правда, Рик? Должен сознаться, я пытался найти о них хоть какие—то сведения, но – увы! Даже главе совета это оказалось не под силу. Если Изначальные так могуще-

ственны, возможно, они сумеют приоткрыть завесу тайны. Наверняка у них есть великие провидцы, оракулы, гадатели. Подумай.

— Да, подумай, сынок, — со вздохом поддержал император. — У тебя есть одна ночь. Завтра я хочу услышать ответ. Помни: ты можешь отказаться.

В своей комнате я рухнул на кровать и закрыл глаза. Перед мысленным взором сразу возникли заплаканные детские лица, зловещие джунгли, и мрачные фигуры в капюшонах, видимо, так мое сознание изобразило Изначальных. Так что решим, а, Рик—бастард? Прокрутившись в кровати до утра, я четко осознал: выбора у меня нет. Приказа о моей отправке в колонии никто не отменял, значит, придется принимать участие в боях. А учитывая мой нулевой военный опыт и полное неумение держать в руках оружие, шансов выжить не остается. Сам голову сложу, да еще и солдат за собой утяну. При таком раскладе проще уцелеть в джунглях Зеленого сердца. Но даже если предположить, что благодаря какому—нибудь чуду я не погибну в первой же драке и благополучно вернусь на родину, что меня ждет? Да и не только меня, кстати. Империя рухнет в пучину войн, погибнут невинные люди, в мире воцарится хаос, и все это благодаря тому, что новоиспеченный барон с громким именем Сайваар трусил и не попытался совершить предначертанное. Но дети... как же дети? Не могу я торговать их судьбами! Может быть, они нужны Изначальным как рабы, или, не дай Луг, для како-

го—нибудь чудовищного ритуала? Как человек, на собственной шкуре испытавший лишения, жестокость и людское равнодушие, я обостренно воспринимаю любую несправедливость по отношению к детям. Не могу, например, спокойно пройти мимо плачущего малыша. А уж если вижу, что кто—то обижает ребенка, просто впадаю в звериную ярость. Так что предлагать несчастных ребятишек как плату за помощь я ни в коем случае не стану. Разве что меня убедят, что так для них будет лучше. Большая политика, задери ее Бездна! С другой стороны, рано об этом переживать. Во—первых, неизвестно, существуют ли вообще эти самые Изначальные, во—вторых, если и существуют, не факт, что я сумею до них добраться. Ну, а если уж сбудется во—первых и во—вторых, то на месте разберусь. В конце концов, предложу им взрослых. Чем плохо? Тысячу бродяг, например. Или тысячу любителей *диджаха*. И для Изначальных польза, и нам в империи дышать свободнее станет. Когда луч утреннего солнца проник сквозь крохотную щелку между плотными портьерами, превратив пылинки на своем пути в жемчужную дорожку, решение было принято. Я попробую, да явит мне Луг свое милосердие, пройти сквозь джунгли, разыскать неведомое племя и попросить его о помощи. Я должен хотя бы попытаться. Ради дядюшки Ге, Галианны, Мельды, ради ее мясника, ради тысяч простых людей, которым и так несладко живется, и которые не заслуживают войны. Я попробую. И кто знает, возможно, наградой за это станут све-

дения о моих родителях. Раньше я старался не задумываться о них, чтобы не травить душу обидой, горечью и сомнениями. А теперь... Ведь какими бы они ни были, это мои мать и отец.

* * *

— Не своди с него глаз, докладывай о каждом шаге!

— Да, мой господин.

— Он не должен вернуться.

— Я понял.

— Будешь следовать за ним повсюду. И как только представится подходящий момент... но не забудь: все должно выглядеть как несчастный случай.

— А может быть, лучше артефакт...

— Артефакт, артефакт! Это — крайняя мера. А ты мне на что? Если нужно — сдохни сам, но и его уведи за собой.

— Слушаюсь...

* * *

Клянусь трезубцем Маннаина! Как же мне плохо! Голова кружится, в желудке словно демоны горох молотят, а ноги все время норовят сделать замысловатое коленце на полу (ах, простите, на палубе, конечно же) проклятого всеми богами

корабля. И это, заметьте, притом, что, как утверждают матросы, качки совсем нет. Ярко сияет солнце, сине—зеленая вода плещется о борт «Шайани», весело и слаженно суетится команда, а ваш покорный слуга всерьез задумывается: не расстаться ли со своим завтраком? Уже три часа как мы покинули Виндорский порт в составе имперской эскадры, направляющейся к берегам Южного континента. Впереди длительное путешествие, вот только вынесу ли я его?

Одно хорошо: такое состояние не оставляет сил для грустных воспоминаний о доме. Хотя вспомнить есть чего. Я успел сделать все, что наметил, и это несколько примиряет меня с путешествием. В первую очередь, конечно, нашел стряпчего и за небольшую плату составил завещание, по которому все мое имущество, кроме имения, оставленного Галианне, отходило дядюшке Ге. К которому я, собственно, потом и отправился. Мое появление вызвало у старика несказанную радость, быстро превратившуюся в такое же безграничное огорчение, когда дядя узнал о предстоящем его питомцу путешествии. Мне даже показалось, что в хитрых глазках блеснули слезы. Однако дядюшка быстро справился с собой и засуетился, накрывая стол для чаепития. Вырвав из моих рук опустевшую чашку, он принялся всматриваться в расположение чаинок. Видно, что—то не удовлетворило старика, так как далее последовал кофе. Разглядывая кофейную гущу, гадальщик бормотал что—то вроде: «Плохо, плохо... эх, жаль, фаза луны не та... вот даже как?» Не

успокоившись на этом, дядюшка утащил меня в кабинет, где усадил перед стеклянным шаром и зажег ароматические свечи, вызвавшие у меня приступ кашля. Не знаю, что уж он углядел в прозрачном чреве шара, но это его немного успокоило. «Не все потеряно, Рик, — сказал он. — Но ты должен быть предельно осторожен». На все мои попытки узнать, что же отразилось в Зеркале судьбы, дядя лишь неопределенно хмыкал и отделялся ничего не значащими фразами. Зато снабдил меня амулетами и талисманами на все случаи жизни. Теперь на левой руке у меня красуется покрытый рунами медный браслет, защищающий от боевых чар, на правой — тоненькая, не толще волоска, но очень крепкая цепочка из паурония, которая должна увеличивать силу удара (в какую же сумму она обошлась дядюшке?). На шее болтаются целых три амулета: круглая серебряная пластина, отводящая клинок, деревянная штука, охраняющая от злых духов, и узкая полоса железа для охраны магических способностей. Затем настала очередь зелий и целительных настоев. В результате ваш покорный слуга стал счастливым обладателем целого мешка с бутылочками, склянками и пузырьками. Чего здесь только нет: мазь, заживляющая раны, микстура от кашля и сонное зелье, растирание, помогающее справиться с ушибами и какая—то отворотной—приворотная гадость, настойка для очищения желудка и еще одна, простите, для его закрепления... Есть даже крохотная бутылочка, содержащая чистый яд болотной гадюки. Уж не знаю, кого

им травить буду. Вот теперь стою у борта и мучаюсь вопросом: какого Мрака не взял у дядюшки лекарство от морской болезни? И старик не догадался... придется теперь страдать. На прощанье дядя Ге крепко обнял меня, а я чуть не прослезился. Таким милым и родным увиделся дом, взрастивший меня, так мощно нахлынула волна воспоминаний о былых беззаботных деньках. Только сейчас я осознал, насколько привязан к дяде и благодарен ему за все то добро и душевное тепло, которым он щедро одарял одинокого бастарда. Теперь даже Бродяга, сидевший на подоконнике и щуривший на меня нахальные желтые глаза, показался вполне симпатичным животным. Вернуться бы в прошлое, забыть все, что со мной случилось в последнее время, и снова заниматься хозяйством, слушая беззлобное ворчание старика, по вечерам бегать в трактир Мельды, и мечтать о простых и понятных вещах. Ну его совсем, баронство, дом на улице Розы ветров и, главное, пугающе неясную миссию, с которой меня отправляют на Южный континент! Заберите все это, а мне верните бесхитростную жизнь и обычные человеческие радости! Однако книгу судьбы не перепишешь заново. Пришлось уходить. На обратном пути я заглянул в храм Маннаина и оставил на алтаре золотую монету, уповая на покровительство бога морей. Позже, вернувшись на Розу ветров, посетил святилище Луга и, на всякий случай, пролил пару капель своей крови на алтарь в храме Морриган — кто знает, может, безжалостная богиня войны когда-нибудь вспомнит

эту жертву и пощадит меня в бою?

Прощание с Галианной вышло скомканным: девушка хмурила брови и отворачивалась, не желая подарить мне поцелуй. Даже подарок – изящные сапфировые серьги гномьей работы, стоившие мне кучу денег – не растопил ее сердца. Последнюю ночь перед путешествием я провел один, Дикая кошка покинула мой дом.

Провожали нас с помпой: играл оркестр, какие—то чиновники произносили торжественные речи, в небо взмывали разноцветные шелковые ленты – это уж маги постарались – а на пирсе было не протолкнуться от народа. Слава Лугу, не пришлось ни строиться на глазах у людей, ни маршировать – нас всех спешно погрузили на корабли, и дальнейшее празднество мы наблюдали уже оттуда. Десять гордых каравелл, по количеству рот, по очереди поднимали паруса и снимались с якоря. «Шайани», что на древнегалатском означает «Блистательная», была последней. Когда пирс начал удаляться, я заметил в толпе провожающих изящную девичью фигурку в белом плаще с закрывающим лицо капюшоном. Порыв ветра на мгновение подхватил тонкую ткань, и мне показалось... Да нет, не может этого быть! С чего бы принцессе появляться в таком месте, да еще и без сопровождающих?

Насущные проблемы встали передо мной во всей красе, вытеснив посторонние мысли. Я нахожусь на борту корабля, несущего меня к берегам жуткого и загадочного Южного континента. Да ладно бы меня одного! Здесь присутствует

еще и десятая рота Первого полка Имперских ястребов. Сотня отборных солдат плюс десять капралов. А я их командир. И понятия не имею, что в таких случаях положено делать. Утром в штабе полка стояла суматоха, и полковник Арлайл (граф, кстати), увидев меня, лишь досадливо поморщился и махнул рукой. Делайте, мол, что хотите. Капралы безо всякого участия с моей стороны построили роту, и организованно двинулись в сторону порта. Погрузка на корабль тоже прошла гладко. А потом, во время отправления, солдаты столпились вдоль бортов, громко хохоча и перекликаясь с провожающими. Вроде бы опять не до лейтенанта. Но теперь, когда берег скрылся из виду, а вокруг тянется однообразное волнующееся полотно моря, и заняться нечем, воины, кажется, сочли мою скромную персону вполне достойным развлечением. Нет, вымуштрованные ветераны, конечно, не позволяли себе никаких открытых высказываний в адрес командира, каким бы нелепым он ни казался, но я почти физически ощущал на себе их насмешливые взгляды. Многие из солдат спустились в трюм, который на время путешествия должен был стать их обиталищем. Но те, что остались, тихо переговаривались за моей спиной, то и дело взрываясь раскатами смеха. Я же стоял, глядя в водяную синь, не находя в себе мужества обернуться, и перебирал в уме допущенные сегодня ошибки. Самая главная заключалась в том, что я, по незнанию, явился в надетой поверх мундира кольчуге, которая сейчас, нагревшись на солнце, немилосердно

обжигала тело, и, что самое неприятное, вызывала насмешливые взгляды солдат. Видимо, доспехи полагалось надевать непосредственно перед боем — вояки все, как один, были в простых черных мундирах. А может, кольчуги прятались под одеждой — кто знает. Мне хотелось быть от безысходности. Ну, не военный я человек, и понятия не имею, как разговаривать с этими людьми! Или ими нужно только командовать? Каким, скажите, образом? Я ни одной команды не знаю. А тут еще морская болезнь... Вот красиво—то будет, если меня вывернет на глазах у изумленной публики.

В общем, наверное, я еще долго простоял бы так, мучаясь стыдом и тошнотой и без энтузиазма разглядывая маленькие точки впереди, в которые превратились остальные корабли эскадры, если бы не он.

— Разрешите представиться, господин лейтенант. Боевой маг десятой роты Дрианн Летакс.

Голос, молодой и весьма благозвучный, заставил меня обернуться. Передо мной стоял парень, да что там — юноша лет двадцати, и дружелюбно разглядывал мою, надеюсь, не очень зеленую физиономию. Тоже мне боевой маг. Небось, только после университета. Рыжая непокорная шевелюра топорщится на ветру, на щеках еще видны следы подростковых прыщей, пухлые детские губы безмятежно улыбаются, голубые глаза производят впечатление полной невинности. Оно, конечно, воевать никому неохота, все маги трепетно заботятся о собственной безопасности. Вот и послали в пек-

ло зеленого юнца, мол, наберись, сынок, опыта, а там поглядим, куда тебя пристроить. Интересно, в других ротах такие же чародеи? Много же мы навоюем! Командир – никчемный штатский, маг – неопытный сопляк. Не догадываясь о моих скорбных размышлениях, мальчишка протянул пузырек, в котором плескалась мутная жидкость.

– Возьмите, командир, это настойка от морской болезни.

– Да нет, спасибо, сам справлюсь, – смущенно пробормотал я, не желая признаваться в постыдной слабости. К тому же, вид мага не вызывал доверия к его способностям. Вдруг выпью, и к нынешним симптомам добавится, скажем, расстройство желудка вкупе с сонливостью? То—то хорошо будет!

– Как хотите, – не стал настаивать Дрианн. – Тогда, может, посмотрите на нашу каюту?

Вот это мило! А я думал, каюта только у капитана, а мне придется делить трюм с солдатами.

– Вы не возражаете против моего соседства? – спросил маг, спускаясь вниз.

Каюта представляла собой крохотное помещение локтя три в длину и столько же в ширину. Сверху свешивались два парусиновых сооружения, больше всего напоминающие гамаки.

– Койки, – сообщил мальчишка.

В каюте было душно, всепроникающий запах соли почему—то ощущался еще сильнее, чем наверху. На меня нака-

тил новый приступ тошноты. Пока я боролся с дурнотой, Дрианн к чему—то настороженно прислушивался.

— Что это? — спросил он и устремился прочь из каюты.

Спотыкаясь, я поплелся за ним. На верхней палубе сгрудилась вся команда каравеллы, не сводя глаз с капитана на мостике, который приник к подзорной трубе. Наконец, он опустил трубу и резко выкрикнул:

— Убрать паруса!

— Убрать паруса! — повторил боцман. — Живее, саймаровы дети!

Матросы кинулись выполнять приказ, а моряк неожиданно обратился ко мне:

— Прикажите своим людям уйти с палубы!

Что тут будешь делать? Я откашлялся и, стараясь придать голосу твердость, заорал:

— Солдаты, в трюм!

Вышло так себе, можно сказать, неубедительно. Тем не менее, капралы, проникнувшись серьезностью момента, быстро навели порядок среди недовольных воинов и согнали всех вниз. Между тем боцман продолжал разоряться:

— Грот на гитовы! Шевелитесь, ежа вам в глотку! Марсея долой!

Улучив момент, когда он замолчал, переводя дыхание, я спросил:

— Что случилось?

— Буря идет! — моряк указал куда—то в сторону горизонта.

Сколько я ни напрягал зрение, ничего, кроме крохотного черного пятнышка, разглядеть не сумел. Между тем, не прошло и минуты, пятно увеличилось вдвое.

– Шли бы вы в каюту, лейтенант, – сурово посоветовал боцман.

Но я уже не мог оторвать глаз от странной картины, разворачивающейся в небе. Пятно стремительно приближалось, по мере увеличения изменяя свою окраску: рваные края отсвечивали угрожающе—лиловым цветом, переходящим в чернильную синеву, центр же оставался черным. Неожиданно мощный порыв ветра чуть не сбил меня с ног и заставил вцепиться в борт обеими руками. Палуба бежала из—под ног. Вокруг потемнело, и, подняв глаза, я увидел разверзшуюся над нами бездну. Не знаю, что это было – тучи, или что—то другое, недоступное человеческому пониманию, но оно вращалось и опускалось все ниже, словно пытаясь всосать внутрь себя корабль. Ветер теперь налетал неистовыми шквалами, вздымая вокруг огромные волны. «Шайани», идущая без парусов, взбиралась на них, словно на гору, и ухала вниз, заставляя мое сердце проваливаться куда—то в область желудка.

– В каюту, парень! – проорал боцман, пытаясь перекрыть завывание стихии.

Поздно, теперь я уже при всем желании не смог бы оторваться от борта без риска улететь в воду. Рядом со мной болтался незадачливый маг. Ветер трепал рыжие волосы, со-

здавая вокруг его головы странное подобие нимба и унося прочь обрывки заклинания, срывавшегося с губ мальчишки. Меня посетило нехорошее предчувствие, хотя, конечно, в создавшейся ситуации ничего доброго ждать и не приходилось. Одной рукой держась за борт, другой Дрианн достал из кармана пузырек, зубами вырвал пробку и вылил содержимое вниз. По воде расплылось маслянистое, отливающее багрецом, пятно, заставившее волны отбежать назад. Вокруг каравеллы образовалось абсолютно гладкое, ровное водное пространство, какое бывает во время штиля. А за ним, накатываясь одна на другую, яростно бушевали волны.

– Идиот! – завопил я. – Держись крепче!

Заклятие Тихих вод годится разве что для узкой горной речки. Там оно способно усмирить бурный поток на несколько минут, достаточных для того чтобы перебраться на другой берег. Но применять его в открытом море в шторм равносильно самоубийству. Как я и ожидал, действие чар вскоре прекратилось, и волны, сбившиеся со своего ритма, образовали невиданный вал, который двинулся прямо на нас.

– Молитесь, ребята! – долетел до меня откуда—то издали искаженный ветром голос боцмана.

Не помню, что было дальше. Кажется, я действительно молился. А может, это было что—то другое, родившееся в самых сокровенных глубинах души и вылившееся отчаянной мольбой о пощаде. Я произносил какие—то чужие несвязные слова, смысла которых сам не понимал, но их зву-

чание было странно знакомым, словно пришло из прошлых жизней. Потом меня накрыла тьма, исчезли звуки и цвета, я задохнулся под толщей воды, которая схватила и поволокла куда—то обессиленное тело. Мир перестал существовать...

— Господин лейтенант! Господин лейтенант, очнитесь же!

Кто—то немилосердно давил на грудь, затем меня перевернули на бок, чувствительно приложив носом о твердые доски. Легкие содрогнулись, и я зашелся в мучительном кашле, извергая из себя морскую воду вместе с содержимым желудка.

— Слава Лугу, вы живы! — возликовал знакомый голос.

— Маннаина благодари, придурок, — сердито посоветовал хриплый бас боцмана. — Только благодаря его заступничеству и выжили после твоего заклинания.

— Я просто... просто...

— Просто угробить нас решил? — предположил боцман.

Я еще немного покашлял и прошептал:

— Ветер надо было заклинать, а не море...

— Знаю, — оправдывался недоучка. — Я же и говорю: с воздухом у меня хуже получается, чем с водой.

М—да, что—то нынче не то творится с образованием!

Не дав этой мысли окончательно оформиться и развиваться, я уселся на палубе, опираясь на дрожащие руки.

— Ну, ты как, лейтенант? — усмехнулся боцман, протягивая мне плоскую флягу. — Хлебни—ка вот... за второе рождение.

Я сделал большой глоток и замер, когда огненная струйка ядерного островного *рамса* обожгла пищевод. Контрабандный, наверное. Хорош! Вернув боцману флягу, оглянулся по сторонам. Надо же, уже вечер! Край моря, в котором утонул полукруг солнца, окрасился алым, ветер стих, вода выглядит мирно и безобидно.

– Обошлось, – вздохнул боцман. – Только двоих матросов смыло, да фок—мачта пополам треснула.

Ага, значит, эта вот штуковина называется фок—мачта. Действительно, треснула.

– Я почию! – с готовностью вскинулся Дрианн.

– Не надо! – посуровел боцман. – Помог уж раз, хватит.

– Да нет, действительно, я умею, – убеждал маг. – Пара Скрепляющих заклинаний...

Не дожидаясь окончания спора, я с трудом поднялся и заковылял к люку, ведущему вниз, мечтая лишь об одном: уснуть как можно крепче и проспаться желательно все путешествие. На палубу вновь поднялись солдаты, все они с интересом рассматривали своего мокрого измученного лейтенанта. Но сейчас мне было все равно, по сравнению с пережитым их взгляды казались не значительнее жужжания назойливой мухи.

Если вы думаете, что сон в корабельной койке – занятие приятное и необременительное, то глубоко ошибаетесь. Нет, тут не так—то все просто! Скинув кольчугу и забравшись в гамак, который под тяжестью тела моментально свернулся и

провис, я ощутил себя гигантской личинкой журженьского шелкопряда. Койка болталась в полу—локте от пола (или палубы, что ли?) и раскачивалась из стороны в сторону, реагируя на малейшее движение судна. Морская болезнь, со страху было отступившая, снова дала о себе знать вкрадчивым прикосновением к опустошенному желудку. Решив действовать на опережение и уснуть, прежде чем проснется тошнота, я закрыл глаза и подчинился ритму качки.

Снилась мне Галианна, она так плотно прижималась ко мне, что становилось трудно дышать. Впрочем, я не возражал, отвечая девушке такими же страстными объятиями. Вдруг она резко отстранилась, пристально глядя мне в глаза, и я с изумлением увидел прямо перед собой лицо принцессы.

– Ваше высочество, – пробормотал я и проснулся.

Принцесса исчезла, но тяжесть в груди осталась. Я открыл глаза и едва удержался от вопля: в крошечной тьме каюты загадочно мерцали два желтых огня, а их обладатель вольготно расположился на моей груди, собственно, и создавая ощущение удушья. Закусив губы, чтобы не дать паническому крику вырваться на волю, я принялся лихорадочно перебирать в уме всю известную мне нечисть. Кто бы это мог быть? Демон? Мимо, откуда ему здесь взяться? А может, это дух корабля? Бывают же духи леса, реки... моря? Да, это, наверное, какая—то выползшая из воды тварь. Только почему она сухая и горячая? И еще издает звуки, похожие... Ах ты, гнусное порождение Бездны!

— Бродяга, пошел вон! — воскликнул я шепотом, спихивая с груди невесть откуда взявшегося дядюшкиного кота.

Нахальный зверь бесшумно приземлился около койки, недовольным шипением выразив свой протест.

— А? Где? — раздалось из темноты. — У вас что—то случилось?

— Нет—нет, — поспешил я успокоить Дрианна. — Спи. Все в порядке.

Маг снова ровно засопел, а я откинулся назад, борясь с внезапно накотившим приступом тошноты. Перед закрытыми глазами кружилась багровая туча, усиливая дурное ощущение. Откуда же все—таки взялся Бродяга? Может, залез в мешок, который дядя нагрузил зельями? Да нет, я не выпускал его из рук, к тому же, уходя, видел кота сидящим на подоконнике. Пойти следом зверь не мог, я бы заметил. Что же выходит? На следующий день после моего визита Бродяга покинул дядюшкин дом и отправился в порт, где поднялся на корабль вместе с нашей ротой? Вполне возможно, в суматохе никто не обратил бы внимания на черную тень, прошмыгнувшую по трапу. Вот только зачем он это сделал? Кот никогда не был особенно ко мне привязан. Плюх! Я вздрогнул от неожиданности: Бродяга снова водрузился мне на грудь и, удобно свернувшись калачиком, принялся выталкивать из себя низкое утробное подвывание, которое, видимо, в простоте душевной принимал за мурлыканье. Желтые глаза светились в темноте, как два Ведьминых огня. Дышать

стало труднее, зато морская болезнь чудесным образом перестала беспокоить. Я снова столкнул кота вниз и тут же схватился за горло, так вдруг затошнило. Забавно, однако! Подождав, когда Бродяга сделает еще одну попытку устроиться у меня на груди, я прислушался к ощущениям. Надо же, опять хорошо себя чувствую.

– Ладно уж, спи здесь! – пробормотал я и сам погрузился в сон.

Утро одарило новыми радостями. Во—первых, проснувшись, я не обнаружил Бродягу. Оставалось лишь гадать: то ли он отправился куда—то по своим кошачьим делам, то ли просто мне приснился. «Здравствуй, мы снова вместе», – радостно приветствовала меня морская болезнь, стоило лишь разомкнуть веки. Со стоном я вывалился из койки и поднялся на верхнюю палубу. Видно, магу все—таки удалось вчера починить сломанную мачту, потому что каравелла шла под всеми парусами. Умеет мальчишка кое—что! Мне вот, к примеру, никогда не давались скрепляющие, восстанавливающие и прочие Созидательные заклинания. Солнце стояло уже высоко – ничего себе я поспал! – небо ласкало глаз яркой синевой, вокруг колыхалось все то же постылое море. А вы что думали, куда ж ему деться?

– А завтрак уже закончился, – осчастливил Дрианн. – Но я оставил вашу порцию. Вот.

Он протянул мне два сухаря, поверх которых лежал тонкий ломтик солонины, и деревянную кружку, полную прес-

ной воды. Я уныло прожевал предложенные яства, не ощущая их вкуса и оглядываясь по сторонам. По случаю хорошей погоды большинство солдат выбрались из трюма, наслаждаясь свежим ветерком и солеными брызгами. Похоже, никто, кроме меня, от дурноты не страдал. Многие воины сняли рубахи, подставляя солнцу свои мускулистые, покрытые шрамами и татуировками, тела. Двое затеяли бороться: они топтались по палубе, крепко обхватив друг друга, подбадриваемые криками товарищей.

– Вам нужно познакомиться с капралами, господин лейтенант, – посоветовал Дрианн.

Сам знаю, только вот как? Вон стоят двое с нашивками, насмешливо косятся на меня. Один небольшого роста, коренастый, на вид лет сорока. Второй совсем молодой, не старше меня, высокий и жилистый. А, была – не была! Решительно подошел, представился:

– Лейтенант Рик Сайваар.

Тот, что постарше, сделав вид, что не замечает моей протянутой для пожатия руки, вытянулся в струнку и, ударив себя кулаком по левой стороне груди, отрапортовал:

– Капрал третьего десятка Добб Ноут!

Скрыв ехидную ухмылку, молодой повторил жест своего товарища:

– Капрал пятого десятка Сайм Хассон!

И не придерешься, все как полагается. Ну, и что дальше? Неожиданно для себя разозлившись, я гаркнул:

– Капралы, ко мне! Построиться!

В толпе солдат произошло движение, от нее отделились восемь человек и не спеша встали в одну линию. Я двинулся вдоль строя, останавливаясь перед каждым.

– Капрал первого десятка Бил Райтон!

– Капрал второго десятка Йок Мелли!

Да, все равно с первого раза не запомню. Тем не менее, я продолжал внимательно вглядываться в лица стоящих передо мной людей. Сразу видно, матерые вояки. Большинство были обриты наголо, что придавало им вид лихой и угрожающий. Кроме одного, который щеголял белокурыми локонами до плеч. И выглядел как—то совсем уж безобидно: высокий, тонкокостный, изящный – танцор, а не боец. Только светло—серые глаза, встретив мой удивленный взгляд, сверкнули из—под белесых бровей такой неукротимой злобой, что захотелось отшатнуться.

– Капрал седьмого десятка Ом Лютый!

Вот, и имя какое—то странное. Когда все называли свои имена, я представился еще раз:

– Лейтенант Рик Сайваар, – и, немного помолчав, предложил. – Если есть какие—нибудь вопросы, задавайте.

Добб Ноут сделал шаг вперед:

– Господин лейтенант, не покажете, как правильно сделать «стойку скорпиона»? А то мы тут поспорили... – и протянул свой меч.

Сацеол и кровавая Морриган! Вот это я опозорился!

Некоторое время над палубой царило выжидательное молчание, затем грянул хохот. Солдаты, поняв, что командир не знает простейших вещей, ржали как табун диких лошадей по весне, а капралы, стараясь перекричать их смех, наперебой сыпали вопросами:

– Что такое «вдовый захват»?

– Покажите «монастырскую подножку»!

– Во скольких вылазках вы бывали?

Не принимали участия в веселье лишь беловолосый Ом Лютый, лицо которого презрительно морщилось при каждом новом вопросе, да еще угрюмый капрал четвертого десятка – смуглый усач, кажется, по имени Хамар. Наконец, Бил Райтон, видимо, желая добить меня, выкрикнул:

– А правда, что вы купили баронский титул и чин лейтенанта?

– Хватит! – гаркнул Хамар.

Бил Райтон, поняв, что зашел слишком далеко, осекся, а усатый, бросив мне:

– Командуйте разойтись, лейтенант, – вышел из строя и заорал. – Четвертый десяток, в трюм, марш! Живо, орочыи выродки! Я вам покажу смешки и забавы! Вы у меня кровью харкать будете!

– Разойтись, – приказал я, боясь поднять глаза.

– Да, неудачно, – сочувственно произнес Дрианн, когда солдаты спустились вниз. – Ну ничего, в следующий раз получится лучше!

Я посмотрел на мальчишку. Идиот он, что ли? Или тоже издевается? Но круглое простодушное лицо лучилось доброжелательством. Значит, все же идиот. Да неужели непонятно: не будет никакого следующего раза! Я для них – никто, чужак, даром получивший то, что другие зарабатывают кровью! Я ничего не смыслю в воинской науке, и мне не знакомо ни одно из названий, которыми сыпали капралы! Так неужели же они позволяют, чтобы ими, ветеранами, командовал неумеха и слабак? Нет, не допустят, и будут правы, потому что на войне цена моей ошибки – их жизнь! Впору было утопиться, но спас помощник капитана, который пригласил меня и мага в кают—компанию, на обед. В крохотном помещении за столом уместились капитан, два корабельных офицера и мы с Дрианном. Еда была не намного вкусней утренней солонины, но зато рамса вдосталь. От расстройства я приналег на островной напиток, и к концу обеда жизнь уже не казалась мне безнадежной. Я даже сумел поддержать беседу, хотя говорил не совсем внятно. Зато много смеялся, не догадываясь о новом испытании, которое судьба уже вписала для меня в свою книгу.

– Капитан! – в кают—компанию вбежал матрос. – Капитан, там... там...

Глаза малого вылезали из орбит, язык заплетался, дыхание сбилось. Он лишь разводил руками, пытаясь донести до нас суть происходящего.

– Да говори же, сто медуз тебе в душу! – взревел капитан.

Матрос нервно икнул, закатил глаза и осел на палубу в глубоком обмороке. Капитан плюнул и выскочил прочь из каюты—компании, попутно костеря парня, на чем свет стоит. Мимоходом удивившись, с чего это морскому волку при-спичило вести себя подобно хрупкой барышне, я побежал следом. И увидел... нечто. Оно неспешно поднималось из воды перед носом корабля, создавая вокруг себя волнующи-еся круги. Сначала это было похоже на шляпку невозмож-но огромного гриба. Розоватая и склизкая, не меньше пя-ти фихтов в поперечнике, она вырастала все выше, пока не закачалась над «Шайани», заслоняя собою солнце. Потом показалась неровная бахрома, колышущаяся и истекающая чем—то, больше всего напоминающим сопли. Следом, из-виваясь, потянулись бесконечные тонкие плети, и я понял, что вижу гигантскую медузу. Она продолжала подниматься над водой, паря в воздухе, словно зловещая туча.

– Прими нас, Маннаин, – выдохнул капитан, медленно опускаясь на колени. Следом за ним на палубу рухнула вся команда.

Стоять остались только мы с Дрианном. Из люка высу-нулась голова Сайма Хассона. Мгновенно оценив ситуацию, капрал выкрикнул:

– Все наверх, с оружием!

Солдаты один за другим выскакивали на палубу, но не за-стывали в немом ужасе, а, следуя приказам капралов, строи-лись вдоль бортов. Между тем медуза в воздухе раскрылась,

как зонтик, и зависла над кораблем.

– Цельсь! Пли! – раздался крик Ома Лютого, и в бесформенное тело твари полетели арбалетные болты.

Все они достигли цели, но никак не повредили чудовищу, завязнув в мерно колышущейся массе. Раздался звук, похожий на чмокание, и края зонта опустились, захватив в плен корабль. Медуза содрогнулась, сжимая каравеллу. Затрещала обшивка, с хрустом ломались мачты. Все мы оказались погребены под желеобразным коконом, с которого на головы валились комки едкой слизи. Солдаты рубили тело медузы мечами, выпускали в него тучи болтов – тщетно.

– Вставай! – заорал Хамар, встряхивая капитана. – Пушки – к бою!

– Это бесполезно, – ответил тот. – Дитя глубин непобедимо.

– Дитя глубин, – зачарованно повторил Дрианн. – Вот оно какое...

Мальчишка задрал голову и принялся восторженно разглядывать полупрозрачные внутренности медузы, словно картинку на занятиях в Университете.

– Встать, тряпка! – бесновался Хамар. – Командуй, поглоти тебя Бездна!

– Бездна здесь! – торжественно возвестил капитан и закрыл глаза, вознося молитву Маннаину.

– Оставь его, пушки залеплены слизью, – произнес, подходя, Сайм. – Может, тоже помолимся?

Хамар в ответ кратко, но емко сообщил товарищу, куда тот может засунуть свою молитву, и кинулся на помощь мечникам. Воздуха не хватало, палуба была залита слизью так, что двигаться стало невозможно.

– Хватит любоваться! – прикрикнул я на Дрианна. – Ты же маг, сделай что—нибудь!

– Да—да, сейчас! – заторопился мальчишка, и его пальцы заплясали, складывая рисунок заклятия. – Сейчас я огненным шаром ка—а—ак залеплю!

Почему у него в итоге вышло целых два шара – я так и не понял. Но оба они – небольшой, слабенький, и огромный, щедро напоенный пламенем – полетели вправо, насквозь пробив бок медузы, чем вызвали восторженные крики солдат. Но вскоре оказалось, что радость была преждевременной: раздался громкий чмок, и дыры затянулись. А несчастный маг обессиленно уселся на палубу, видимо, из—за нервного потрясения истощив свои силы. Именно в этот момент я отчетливо осознал: выхода нет, мы все погибнем под этим куском соплей. «Оставь себе, сынок, пригодится», – вдруг ясно прозвучал в памяти голос дядюшки Ге. Именно так сказал старик, возвращая мне капсулу из Солнечного камня, которую я хотел ему отдать. Где же она? Я сунул руку в потайной карман и нащупал гладкую теплую поверхность. Не задумываясь над тем, что делаю, разнял похожую на яйцо штуку на две половинки, в каждой из которой покоился безобидный на вид порошок. Дышать было нечем, голова кружилась,

и я никак не мог сообразить, что делать дальше. Опасаясь, что потеряю сознание, соорудил первое пришедшее на ум заклятие – «Снежный вихрь» – и прошептал активирующие его слова. Такими штучками маги развлекают ребятишек на празднике *Зимней сказки*, заставляя снег подниматься с земли и образовывать маленькие рукотворные завихрения. Пауроний покинул свое гнездышко и смерчем взлетел вверх. Я тут же сплел и отправил следом «Железный кулак». Не самое сильное, но это все, что я мог на тот момент.

– Ложись! – завопил Дрианн, изумленно наблюдавший за моими действиями.

Странно, но все услышали и рухнули на скользкую палубу, я в том числе. Звук был такой, словно лопнули сами небеса. Что—то тяжелое и мокрое с отвратительным звуком плюхнулось на шею и растеклось по спине. Но дышать стало легко, я ощутил движение воздуха, и – о чудо – услышал плеск волн. Никогда еще шум моря не раздавался для меня такой чарующей музыкой. Немного выждав, я рискнул поднять голову, что удалось с трудом из—за толстого слоя покрывающей меня слизи. Палуба напоминала тарелку с рыбным заливным, какие добрые хозяйки подают гостям к праздничному столу. Вокруг дрожал вонючий розоватый студень, из—под которого, кряхтя и ругаясь, выползали оглушенные люди. По поверхности моря плавали обрывки бахромы и куски стрекал.

– Что это было? – соседний ком клейковины развалился,

и из него выбрался Дрианн. — Как вам это удалось?

— Колданул маленько, — небрежно отмахнулся я, стараюсь не заострять внимания на своей роли в произошедшем и пряча половинки опустевшей капсулы в карман.

Эффект, однако, вышел обратный.

— Вы...кто? Магистр, да? — глаза сияют, рот полуоткрыт в припадке щенячьего восторга.

— Да нет же, случайно все вышло.

— Как это случайно, если у вас была капсула с готовым заклинанием? Я видел...

Нет, дорогой, ты не видел, ты смотрел — а это вещи разные. Мальчишка не понял, что было в емкости из Солнечного камня. С одной стороны, странно это: неужели в университете не объясняют, для хранения какого вещества используются такие капсулки? С другой — можно списать на отсутствие опыта, нервную обстановку и нехватку воздуха. К тому же, он находился не так уж и близко. И потом: ну, какой нормальный человек поверит, что есть на свете чудачки, запросто таскающие в кармане порцию паурония, достаточную для уничтожения целого полка? А может, и армии, это если с умом распорядиться. Вообще—то, я использовал, так сказать, «сырую мощь» металла, выхода не было, да и умений маловато. Знающие же маги поступают по—другому: они по крупинкам добавляют порошок в готовые заклинания, либо применяют малую его толику при плетении боевых заклятий. Гномы любят добавлять пауроний в сталь, из

которой потом изготавливают мечи, кинжалы, сабли, наколенники для стрел... Такое оружие стоит на порядок дороже обычного, но зато обладает непревзойденными боевыми качествами. Неудивительно, что Галатон с Парганией «бодаются» из—за колоний: только на Южном континенте имеются месторождения этого удивительного металла.

Так или иначе, разубеждать парня я не стал: пусть уж лучше думает, что его спутник – величайший маг всех времен и народов, чем догадается о содержимом капсулы. Не стоит забывать, что за хранение, распространение, добычу, перевозку, куплю и продажу паурония согласно законам Галатона полагается смерть. Слава Лугу, вроде бы никто ничего не заметил.

Настало время оценить потери, чем и занялся капитан, поразительно быстро передумавший помирать. Дитя глубин она, или не дитя, но тварь изрядно потрепала «Шайани»: мачты сломаны, изодранные, покрытые соплями паруса бесильно обвисли, дула пушек забиты тем же самым, палуба... сами понимаете. Но никто не погиб, и это вдохновило нас на новые подвиги. До самого вечера команда, объединив усилия с солдатами, надраивала палубу и выковыривала из пушек слизь. Мы же с Дрианном, вылив на себя по паре ведер морской воды и кое—как счистив с одежды липкий кисель, занялись мачтами и парусами. Маг, обессиленный после сотворения огненных шаров (работа с огнем отнимает много энергии, особенно, если волшебник предпочитает другую

стихию), диктовал мне заклинания скрепления и восстановления, а я воплощал их в жизнь. После длительных мучений, во время которых мною были помянуты все боги Аматы и установлена степень родства сломанных мачт с демонами Мрака, работа, наконец, была закончена. Удалось даже кое — как заштопать и отскоблить от слизи паруса. Но конечно, вернуть им первозданный вид было не в моих силах.

— Ничего, — бодрился старший помощник за ужином в кают — компании. — Главное, корпус не пострадал.

— Однако далеко мы с такими парусами не уйдем, — остудил его пыл капитан. — До Санмы точно не дотянем. Первый же сильный ветер — и...

— Что же вы предлагаете? — помощник был странно напряжен.

— Унгда, — коротко произнес капитан.

— Но это невозможно!

— Выхода нет.

По лицам сидящих за столом офицеров было понятно, что слова капитана их не порадовали. Так, дай Луг памяти, что там не так с Унгдой? Конечно, печально известные Клыки смерти — длинная полоса рифов, тянущаяся вдоль всего побережья этой страны. Да, теперь ясно, почему моряки недовольны. Клыки смерти недаром получили такое название — около них каждый год гибнут десятки судов. Я осторожно поинтересовался:

— Может быть, удастся пройти дальше?

– Дальше – до самой Санмы сплошные скалы Пустыни призраков.

Судя по безмятежной улыбке Дрианна, парень ничегошеньки не знал о географии Южного континента. Все—таки удивительно, чему их учат в университете?

– А что плохого в Унгде? – спросил он.

– Да только то, что мы разобьемся о рифы, – резко ответил я, разозлившись на его несообразительность.

– Дело не в том, – капитан усмехнулся, когда мальчишеская физиономия мага расстроенно вытянулась. – Смею надеяться, я неплохой моряк, и сумел бы обогнуть Клыки. Тем более что бывал там не раз и знаю, как это сделать.

– Что же тогда?

– Говорят, в последнее время Клыки облюбовали морские тролли.

Нет, ну что же это такое, а? Теперь еще и такая головная боль! На Дрианна было жалко смотреть, так испуганно он вытаращил глаза.

– Но они же... людей едят! И еще у них сейчас период брачных игр!

Ай, молодец, парень! Расоведение ты хорошо учил. Чего нельзя сказать обо мне. Кое—какие сведения дядюшка Ге сумел вбить в мою буйную голову, но, надо признаться, их объем оставляет желать лучшего. Вот, к примеру, что мы знаем о троллях, кроме общеизвестных народных поговорок: «Туп, как тролль», «Заставь тролля Лугу молиться –

он себе весь лоб расшибет», «Троллям закон не писан», и так далее? Это – здоровенные такие, в два человеческих роста, орясины, преимущественно грязно—синего цвета, невероятно тупые и в той же мере злобные. Согласно легенде о сотворении Аматы, выплюнул их Хаос, что и неудивительно. Делятся на горных и морских. Правда, поголовье горных подсократили воинственные гномы, которые этих тварей терпеть не могут. А вот морские цветут и процветают. Кто будет на них охотиться? Саймары, что ли? Так они – мирный народ. Что еще? Селятся тролли в подводных пещерах у скал или рифов, живут обычно парами, или небольшими семьями. За исключением, как изящно выразился маг, «периода брачных игр». Раз в году, в месяце Нуадия, толпы озабоченных продлением рода и жаждущих любви троллей собираются в одном месте. Самцы меряются силами, самки выбирают достойнейших. Именно в это время тролли особенно опасны. Длится это великолепие до месяца Пирия, так что у нас есть все шансы попасть на торжество – до конца Нуадия еще двадцать дней. Потом самки с самцами вновь расползутся в свои пещеры, и будут растить тролльчат, до следующего лета.

– В любом случае, впереди еще около двух дней пути, – прервал мои размышления голос капитана.

Изрядно поднабравшись рамса, который, как ни странно, немного смягчал симптомы морской болезни, я отправился в каюту, намереваясь хорошо выспаться после тяжелого

дня. Дрианн плелся сзади, высоко подняв масленую лампу и поражая мое воображение подробным описанием анатомических особенностей троллей. В каюте я, не раздеваясь, забрался в койку и пожелал магу спокойной ночи. Как только погас свет, ко мне на грудь тихо запрыгнул Бродяга и принялся удовлетворенно подвывать. Памятуя о лечебном воздействии, которое оказывало его присутствие, я не стал прогонять зверя. Интересно, кстати, где он был целый день? Наверное, в трюме крыс ловил.

– Рик, что с вами? – испуганно воскликнул Дрианн.

«Мой кот мурлычет», – хотел было ответить я, но почему—то передумал и сонно пробурчал:

– Это я так храплю...

* * *

– Ты уверен?

– Да! Он – великий маг! Он сумел справиться с одним из богов Бездны!

– Каким образом?

– С помощью заранее заготовленного заклятия. Он выпустил волибу наружу и активировал его, потом отправил следом еще одну.

– Какое заклятие он использовал?

– Не знаю, мой господин, на корабле царила паника, к тому же я находился довольно далеко. Но это было нечто

невероятное!

— Помнится, кто—то утверждал, что мальчишка — «просто прохожий»!

— Простите меня, я ошибся, мой господин.

— Ничего, главное чтобы ты исправлял свои ошибки.

— Но что мне делать? Мои возможности ничтожны по сравнению с его могуществом!

— Ты прав, если он так талантлив... Бездна, как жаль, что нельзя перетянуть его на свою сторону!

— Почему нельзя, мой господин? Ведь вы даже не пробовали.

— Он очень умен, хотя и не уверен в себе, патологически честен, а, кроме того, совершенно нечитаем. Неудобный слуга, в отличие от тебя.

— Благодарю, господин.

— Это не комплимент, к сожалению. Итак, я активирую артефакт. Но не спускай с парня глаз. Коготь Угелука срабатывает не сразу.

— Слушаюсь...

* * *

— Лейтенант! Лейтенант! Проснись же!

Кто—то осторожно, но весьма настойчиво похлопывал меня по плечу. Не хочу! Отстаньте! Но неведомый вражина не унимался. Пришлось открыть усталые глаза... и снова за-

крыть, внушая себе, что увиденное лишь дурной сон. Надомной маячила отвратительная рожа: в свете масляной лампы тускло отсвечивал лысый череп, маленькие глазки хищно прищурены, нечеловечески мощный подбородок навевал воспоминания о горных троллях, не к ночи будь помянуты. Однако пришелец не желал быть принятым за сновидение и повторил:

– Вставай, лейтенант, разговор есть, – и, помявшись, стыдливо добавил, – пожалуйста.

Против «пожалуйста» не попрешь, пришлось сделать еще одну попытку. Чудищем, померещившимся мне спросонья в неверном свете, оказался никто иной, как капрал Добб Ноут собственной персоной, с чьей легкой руки над неумехой—лейтенантом насмехается теперь вся рота. Бродяга куда—то пропал, видно, услышав чужие шаги, умудрился спрятаться.

– Что вам, капрал? – устало спросил я, мысленно гадая: чего от меня хотят на этот раз. Неужели не наигрались еще? Могли бы хоть ночью в покое оставить.

– Там ребята... в трюме—то... – помявшись, сообщил Добб. – Поговорить бы надо, того, этого, лейтенант.

Делать нечего, пришлось вставать и спускаться в трюм, отчаянно надеясь, что воины ради развлечения не надумали устроить мне «темную».

Трюм, освещенный парой ламп, встретил меня полной тишиной. Нет, солдаты не спали, они сидели на тюфяках, служивших им ложе, и смотрели на вашего покорного слугу.

Капралы приветствовали меня стоя. Я остановился посреди их обиталища, не понимая, чего от меня ждут. Молчание затягивалось. Наконец Добб нерешительно произнес:

– Мы... того, этого. То есть, как бы сказать... – видно, красноречие нынче парню отказало. Как и смелость, которую он демонстрировал утром. Сделав глубокий вдох, словно перед прыжком в воду, капрал рубанул. – Короче, прости нас, лейтенант, – и протянул мне руку.

Не задумываясь, я пожал широкую шершавую ладонь.

– Да ладно, всякое бывает.

– Вот и славно! – облегченно выдохнул Добб, и его грубоватое лицо расплылось в улыбке. – Мы—то думали, понимаешь, ты – слабак какой—то...

– А ты – боевой маг! – перебил его Сайм Хассон, изо всех сил хлопая меня по плечу.

– Не совсем... – попытался объяснить я, но воины уже не слушали.

– Если бы не ты, лейтенант, все бы сейчас рыб кормили!

– Не держи зла!

– Как ты его шарахнул—то!

– Вот мы с парнями и подумали: нехорошо вышло!

– В общем, спасибо тебе от всей роты! – подытожил Добб, протягивая объемистую флягу. – Лучшая старка из трактира Чага Уховертки.

Как же, слышал. А теперь и попробую. Я поднял емкость в приветственном жесте.

– За вас, ребята!

Не знаю, на чем настаивает старку Чаг ухвертка, но крепость у нее отменная. Посудина вернулась к хозяину, а мне сунули еще одну.

– Теперь моей, лейтенант!

Отметили мы примирение. Как оказалось, фляги находились на вооружении почти у всех воинов, и в каждой из них плескались старка, либо рамс, либо ядреная настойка домашнего производства. Выпив как следует, солдаты завалились спать, мы же с капрами повели неспешную беседу. Скрестив ноги на манер жителей Восточного Эмирата, я сидел на краю тюфяка, принадлежащего капралу шестого десятка Флиннелу О’Халигату – тридцатилетнему высоченному парню. Маленькими глотками отхлебывая старку из полюбившейся мне фляги, закусывал сухарем и слушал рассказ Била.

– Они, парганцы—то, уже который раз на Санму пасть разевают. Мы их и прошлый год били, и позапрошлый.

– Значит, ты уже бывал на Южном континенте?

– Как не бывать? Мы все не по разу туда прогулялись. Кроме вот, – Бил кивнул на Хамара. – Он у нас новичок.

– Из Волков перешел, – уточнил хмурый воин.

Силен мужик! Имперские волки охраняют границы Галатона. Войска ничуть не хуже Ястребов.

– Ну, и как там, на континенте? – заинтересовался я.

– Да обыкновенно. Жара, мухи, туземцы всякие. Еще змей

много. Они подлые: в глаза лебезят, кланяются, а в спину ножом пырнуть норовят.

– Кто, змеи? – вытаращил я глаза.

Слыхал, конечно, о чудесах Юга, но чтобы такое?

– Да при чем здесь змеи? – досадливо поморщился слегка захмелевший Бил. – Говорю же: туземцы! Хуже орков, ей—Луг!

– Ну, это ты загнул! – крикнул Флиннел. – Орки – они, в общем, орки... – не найдя подходящих слов, воин сделал добрый глоток рамса.

– Так что там надо быть начеку! – продолжил Бил. – Ну, ты—то не пропадешь, лейтенант.

– А вот и пропаду! – честно признался я. – С оружием обращаться не умею.

– Так мы научим! – ухмыльнулся Йок, щуря хитрые зеленые глаза. Парень напоминал лесную кошку – такой же гибкий, опрятный и опасный. Даже в его речи чувствовались обманчиво мурлыкающие нотки. – Что, ребята, подсобим лейтенанту?

– Можно, – согласился Добб. – *Дракона* из тебя за пару дней, конечно, не получится, но пару—тройку приемов покажем. Будет подмога твоей волшбе!

– Главное, ты – не трус, а остальное приложится, – поддержал его Сайм. – Вот Добб – он у нас знатный мечник. Йок в рукопашном хорош. Арбалет... – он перевел взгляд на Ома Лютого, который с самого начала участия во всеобщем

братании не принимал и от старки отказался. Сидел себе поодаль, поигрывая стилетом. Раз – узкое сверкающее лезвие взлетает вверх на пару локтей, два – тонкие пальцы уверенно охватывают рукоять.

– Лютый! – позвал его Сайм. – Поучишь лейтенанта арбалет держать?

– Посмотрим, – сквозь зубы процедил Ом и, сунув стилет за голенище сапога, демонстративно улегся на тюфяк, прикрыв глаза.

– Такой вот он у нас, с гонором, – хмыкнул Добб. – А вообще, парень надежный. Он в прошлый раз, того, этого, мне жизнь спас. Пошли мы с ним в разведку, и на караул парганцев наткнулись. Тех – шестеро, нас – двое. Ну, двоих—то мы сразу уложили, а третий меня – в спину мечом! Под лопаткой насквозь пробил, Мраков сын! Чуть бы выше – и здравствуйте, Счастливые долины!

– Не, – заметил весельчак Флиннел, – тебя туда не возьмут. Только во Мрак...

– Ну вот, – не смутившись высказыванием товарища, Добб подкрепился изрядным глотком старки и продолжил, – Лютый его из арбалета, почти в упор. А потом, того, этого, с двумя оставшимися схлестнулся. Меч у него и выбили. Так он в одного стилет метнул, точнехонько в сердце, он у нас мастер на это дело, без промаха кидает, что ни попадя. Как циркач, ей—Луг! А на другого с голыми руками попер. Под меч поднырнул и глотку ему перегрыз.

– Как... перегрыз? – икнул я.

– Понятно как, зубами. А потом еще меня на себе четыре майла к своим тащил. Одно слово: Лютый, – довольно заключил воин и приложился к фляге.

– Слышь, лейтенант, я спросить хочу, – впервые заговорил Давин Хрол, капрал девятого десятка, молчаливый мужик простоватого вида. – Ты сам—то откуда будешь? Правду говорят, что баронство и чин тебе от императора достались?

Рассказывать о себе не хотелось. Хвастаться особо нечем. Понятно, конечно, что мое происхождение не должно шокировать воинов, это вам не придворные щеголи – люди, привыкшие рисковать жизнью, прежде всего меряют честь по поступкам, а не по имени. С другой стороны... предубеждение против бастардов у галатонцев в крови. Я решил открыть капралам всю правду о себе как—нибудь потом, при случае. Казармы Ястребов находятся за пределами городских стен, поэтому воины мало что знали о нашумевшей истории спасения императора. Я отделался общими фразами. Мол, живу у дяди в Портовом квартале, а титул и чин получил за заслуги... Напустил туману, в общем. Но спасибо другому туману, царившему у нас в головах после обильных возлияний – никто не стал выпрашивать подробности.

В свою каюту я вернулся под утро. Как ни странно, Дрианн, который должен был видеть десятый сон, не спал – он лежал в своей койке, поставив на палубу лампу, и остановившимся взглядом всматривался в круглую штуку из полиро-

ванного черного дерева, от которой к шее тянулся широкий кожаный шнурок. Дорогой амулет! Интересно, каким действием он обладает? Я никогда такого не видел, поэтому подошел поближе. Губы мага беззвучно шевелились, лоб был нахмурен, словно парень пытался что—то услышать. Почувствовав наконец, что он в каюте не один, Дрианн вздрогнул, оглянулся и суетливым жестом спрятал амулет под рубаху. Ну, не хочет показывать — и не надо! Я дружески хлопнул мага по затылку и завалился в койку.

Пробуждение было суровым. Свежий и отдохнувший Бил тряс меня как садовник — грушу, и решительно отказывался понимать, что у меня болит голова, ломит кости, а к горлу подкатывает тягучий ком тошноты.

– Добрый бой – лучшее лекарство! – торжественно провозгласил он, вываливая меня из койки.

И начались прелести обучения! Сначала разминка под руководством Йока, который безжалостно валял меня по палубе, при этом дотошно объясняя, как и зачем он это делает. Теперь—то я узнал, что такое «вдовый захват»! Это когда противник стискивает тебя до треска в ребрах, одновременно сцепляя руки в замок на твоей спине. Если вдовы так обнимают, то не надо мне Мельды! Впрочем, может, название намекает, что после этого захвата твоя жена останется вдовой. «Монастырская подножка» тоже была хороша в своем роде — благодаря ей я бесчисленное количество раз мешком хряпался на палубу. Потом настало время изучения страте-

гии и тактики ближнего боя, а также теории выживания на Южном континенте — да—да, мои мучители и это предусмотрели! Преподавал мне сию премудрость капрал восьмого десятка Зарайя Миттус — обстоятельный немолодой бородач.

— Ты, лейтенант, знаешь, чем Ястребы отличаются от других имперских войск?

Пришлось покаяться: точно не знаю.

— А тем, что мы — быстрые да легкие. Нас отправляют туда, где надо прибежать, скоренько зачистить, и назад. В осаде стоять, к примеру — это к *Секачам*, они народ медленный, но упорный. Если крепость защищать, то *Имперские шерини* сгодятся, без них в этом деле никуда. Вот, кстати, ты мне ответь: почему среди Ястребов лучников нет?

— М—м...

— Да потому, лейтенант, что в нашем деле от них никакого проку, суета одна. Лучнику, ему что надо? Время, чтобы лук поудобнее перехватить, к ветру примериться, прицелиться. А где у нас время? Нет его. По этой вот причине у Ястребов на вооружении арбалеты. Арбалет — он меньше, удобнее, из него можно и в упор бить. Конечно, у Ястребов и мечи имеются, а обращаться с этими игрушками они обучены, будь спокоен. Опять же, дага быть должна обязательно. В бою иной раз щит выбьют, так с дагой в левой руке сражаться сподручнее. Понятно объясняю?

— Понятно.

– Вот и ладно. Покажи свой меч.

Я протянул Зарайе императорский подарок.

– Знатная вещица! Сразу видно, гномья работа. С *воли-бинкой*?

– Наверное, да.

– С ней, вон как поет! – воин ласково провел кончиками пальцев по матовой стали клинка. – Хороший меч, годится. Ну, о мечях тебе лучше Добб расскажет, он у нас по этой части дока. Я только одно спрошу: видел ты Ястреба с двуручником? Нет? А почему, как думаешь?

– Наверное, потому что для ближнего боя неудобно, – догадался я.

– Верно мыслишь, – одобрил дядька. – Двуручники Секачи любят, ими ряды копейщиков хорошо разбивать, ежели они ниже стоят. Копье таким мечом перерубается на раз. Или, опять же, против конного в полном вооружении: двуручником сплошной доспех пробить можно, тяжелый он – ого—го, чтобы такое оружие таскать, да еще и биться им, надо силу иметь. А Ястребам нужны мечи короткие, чтобы двигаться не мешали. И вот еще что: видел я намедни на тебе кольчужку, добрую такую. Где она?

Вспомнив, какие насмешливые взгляды провожали меня вчера, я слегка покраснел и признался, что оставил кольчугу в каюте.

– Ну, в каюте так в каюте, – легко согласился Зарайя. – У нас доспех только перед высадкой надевать принято. Как

мыслишь, какой доспех у Ястребов должен быть?

– Чтобы не мешал движению, легкий... Тонкая кольчуга, наверное, вроде моей. И шлем, так?

– Быстро схватываешь, лейтенант. Еще наручни и поножи. А шлемы у нас не такие как у *Быков*, к примеру. Те при полной выкладке шагу ступить не могут, такую тяжесть только коню и тащить. А наши шлемы – вот.

Бородач жестом фокусника вытащил из—за спины нечто напоминающее маленькую гладкую шапку, только изготовленную из стали. Впереди располагалась узкая полоса, видимо, для того чтобы защищать нос, сзади болталась кольчужная сетка.

– Примерь—ка.

Внутри шлем был подбит мягкой холстиной, каким образом она держалась на стальных боках, я так и не понял. С помощью клея, наверное. Надев его, я вызвал у Зарайи добродушный хохоток:

– Великоват маленько. У меня голова—то поболее твоей будет. Удивляешься, как материя держится? Полковые мастера колдуют. Шлемы—то все одинаковые по размеру, не будешь же каждому солдату голову измерять. Вот и подготавлиют: кому велик – побольше холстины наклепят, и готово. Потому—то мы волосы и сбываем, жарко очень.

– А Ом? – я вспомнил Лютого, шевелюра которого не уступала эльфийской.

– Это – особый случай, он вообще шлем с кольчужой не

признает.

— Как же?.. — положим, в сражении с мечником можно надеяться на свою ловкость. Но ведь никогда не предугадаешь, в какую секунду и откуда в тебя выпустят стрелу, или, того хуже, арбалетный болт.

— Да так, — пожал плечами воин. — Лютый не такой как мы, он смерти не боится.

— А вы боитесь? — изумился я. Как—то в моем сознании лихие Ястребы не сочетались со страхом смерти.

— Ну, ты спросил, лейтенант! — усмехнулся Зарайя. — Кому ж помирать охота?

— Ому... — пробормотал я под нос.

Действительно, если человек не боится *Слепой невесты*, значит, ждет ее прихода. Лютый все больше занимал мое воображение.

— Ну, хватит пока, — подытожил капрал. — Вечерком еще поговорим, о том, как выбивать противника из деревень. Это тебе пригодится, все колонии — сплошь маленькие поселения, городов там почти нет.

Если вы думаете, что меня на этом оставили в покое, то глубоко заблуждаетесь. Спасибо, хоть дали пообедать и часок отдохнуть. Впрочем, отдыхом это можно было назвать с большой натяжкой, потому что все это время Добб посвятил теории боя на мечях. Обогадив свои познания такими замечательными вещами как стойки «собачий хвост» и «скорпион», и так и не уяснив, чем же отножный удар отличается

от подплужного, я под руководством того же Добба приступил к практическим занятиям. Благодарение Лугу, капрал демонстрировал мне удары в замедленном темпе. Но этого тоже хватило. Потом он отошел в сторонку, сложил руки на груди и принялся гонять меня, заставляя сражаться с воображаемым противником.

– Засечный правый, засечный левый, вдоль! Стойка! Горизонт правый, горизонт левый, вдоль! Стойка! Не спи, лейтенант! Поземный левый, подплужный правый, горизонт левый! Локоть куда, локоть куда, я говорю?! Еще раз!

И еще, и еще, и еще! Когда наконец мечник сжалился, я ощущал себя столетним стариком. Хотелось лечь и больше не вставать, все тело ныло, правая рука, казалось, сейчас отвалится. Тем не менее, морская болезнь чудесным образом исчезла. Видимо, обиделась на отсутствие внимания. Добб остался мной доволен:

– Для первого раза неплохо! Завтра со щитом поработаем.

На сон грядущий я имел удовольствие беседовать с Зарайей об особенностях захвата колониальных деревень.

– Там, вроде, все то же самое, что и в галатонских селах, – делился со мной воин. – Только дома не деревянные, а из травы такой, навроде нашего камыша. Горит хорошо! Но ты не забывай, что, ежели из своей деревни врага выбиваешь, так жители тебе благодарны. Коли не помогут, так хоть не помешают. А в колониях все не так. Для них что мы, что парганцы – одинаково – двана. Захватчики, по—нашему. А

значит, жди удара вдвойне. Парганец не заденет, так дикарь копьем проткнет. Или стрелкой плюнет.

– Как это... плюнет?

– А у них такие трубочки есть, на дудку похожи. Вот из них туземцы и плюются стрелочками. Сами—то они крохотные, серьезную рану нанести не могут. А только дикари их змеиным ядом смазывают. Если попадет в кровь – считай ты уже покойник. Но и это не самое плохое.

Ну, знаете! Что же может быть хуже? Зарайя огорошил:

– Страшнее, если ты им живым в руки попадешь. К примеру, перебили ребят, а тебя в плен взяли. Или украли, когда рота лагерем стояла. Очень даже просто! В кусты по нужде отошел – и нет тебя. Поэтому запомни: в кусты только с товарищем. А если все же в плен попадешь – мой тебе совет: постарайся сам к Тринадцатому богу отправиться. Душу спасешь.

– В каком смысле? – проблеял я, заранее ужасаясь ответу.

– Ну, если просто съедят, это хорошо. Но не все племена людоедские. Могут рабом сделать. Тоже ничего, если повезет, попробуешь сбежать. Но вот если гунгану отдадут – пропала твоя душа. Они же демонам Мрака молятся, дикари—то. А гунганы – колдуны их – умеют покойников поднимать. Говорят, они душу пленяют, и, пока не выпустят, покойник им служить обречен.

Ну, это не ново. Техникой создания зомби владеют не только гунганы. Обычная некромантия, в сущности, осно-

ванная на союзе с могущественным демоном. Вот насчет пленения души сомневаюсь. В дядюшкиной библиотеке есть такая забавная книжица – «Некромант. Путь презлейшего». Древняя, между прочим, в переплете из человеческой кожи. Так вот, в детстве я пару раз в нее заглядывал, картинки смотрел, отвратные, надо сказать. Там говорилось, что захват души – всего лишь страшная легенда, никто не властен над душами, кроме богов, и Абсолюта, конечно. Хотя кто его знает...

– Вот в Унгде, например, очень сильные гунганы. И людей они тоже едят, – как ни в чем не бывало, продолжал бородач. – Нет, конечно, они в открытую не нападают, боятся. Так, поодиночке отлавливают. Был у нас случай лет пять назад, в Кууме. Больно уж девки там хороши! Оттуда рабынь и везут. Парень у меня в десятке служил, ходок был тот еще – котяра просто. Мы его так и звали: Кот. Стояли мы лагерь у одной деревни, не помню уж, как называлась. И присмотрел наш Кот себе подружку. Красавица – ничего не скажешь. Глаза черные, жгучие, – Зарайя вытаращился, видимо, изображая взгляд туземки. – Гибкая, в поясе ладонями обхватить можно, а груди – вот такие! – капрал вытянул руки перед собой на пол—локтя. – Ну, парень с катушек и слетел. Вынь да положь ему эту девку. А она из богатой семьи была, дочка гунгана. С такими даже *Хорьки* не связываются, себе дороже. Наоборот, стараются задабривать – рамс привозят, старку, бусы там всякие, а колдуны за это дикарям говорят,

что хорьки – посланники божка, которому племя молится. Туземцам лестно богу угодить, вот и идут в рабство добровольно.

Что—то жаль мне стало дикарей. Раньше не задумывался: колонии и колонии, рабы и рабы. А сейчас вдруг осознал: их жизнь на чужбине даже хуже судьбы бастарда. Ведь раб – это не человек даже. Вещь, собственность. Именно так трактует его статус закон Галатона: убийство чужого раба считается порчей имущества и обязывает виновного возместить стоимость утраченной вещи. И никак иначе. Собственно, чем дикари заслуживают такого отношения? Они нас не звали к себе, жили спокойно, никого не трогали. А мы захватили их земли ради того, что кроется в недрах, вывозим с континента алмазы, драгоценное черное дерево, а взамен широким жестом дарим горстку дешевых стеклянных бусинок...

– Эй, лейтенант, ты чего задумался? – толкнул меня в бок Зарайя, и с неожиданной для старого солдата чуткостью спросил. – Тебе что, туземцев жалко, что ли? Плюнь, парень, и забудь. Жалеть будешь, когда домой вернешься. А там – нельзя. Они тебя не пощадят, если что. Ну так вот, я и говорю: наладился наш Кот в деревню бегать. Сядет напротив хижины гунгана и сидит, девку высматривает. А она даром что молодая – вредная была, ух! Смеялась все над ним. До-смеялась...

Воин замолчал, вглядываясь в колыхание волн за бортом.
– И что? – поторопил я его.

– Да что... у Кота кровь – не водица. Украл он девчонку, и силой взял. А она этого не стерпела и руки на себя наложила, в Шарде утопилась. Это река там такая, слышал? А перед тем отцу все рассказала. После этого пропал наш Кот. Мы его обыскались, все ближние селения обшарили, к дальним пошли. Нет нигде. Вернулись, конечно. Мы тогда парганцев ждали – опять несколько рот границу с *Зингвадой* перешли и все норовили деревню эту захватить. Там рядом шахта большая, волшбинку добывают. Стоял я в карауле, ночь теплая, тихая, светляки летают, здоровые такие, лохматые... – капрал продемонстрировал лопатообразную ладонь, указывая размер тварей.

Храни меня, Брижитта, от своих детей! Что ж на нем делается, на том Южном континенте, если там даже светляки – большие и лохматые?!

– Да, стою я, и вдруг слышу – треск. Ломится кто–то сквозь кусты. Думал, может, зверь какой, арбалет вскинул, жду. Гляжу – Кот вышел, стоит, смотрит на меня. Я обрадовался: «Брат, – кричу, – ты откуда? Где был?» А он... молчит. – Воина передернуло, а у меня по спине пробежали зябкие мурашки. – И запах такой, знаешь...

...Знаю, друг. Однажды, еще мальчишкой, лазая под пирсом, я наткнулся на полуразложившийся труп какого–то несчастного бродяги. Наверное, от твоего товарища пахло примерно так же.

– Так вот, я поначалу к нему кинулся, а потом гляжу: глаза

у него мертвые. Он руки протянул, схватить меня хочет, а я не знаю, что и делать...

Капрал опять надолго замолчал, потом, отцепив от пояса флягу, глотнул рамса.

— Что ты сделал? — тихо спросил я.

— Ребят крикнул. Сожгли мы его. А потом и деревню спалили. Вот так, лейтенант. Теперь думай: надо ли их жалеть, или своя душа дороже?

Зарайя тяжело поднялся с палубы, словно та старая история, всплыв из безвременья, невыносимым грузом легла на его плечи.

— Пошли спать, лейтенант. Завтра продолжим...

Дрианн опять лежал в койке и что—то беззвучно шептал в свой амулет. Молится на него, что ли? При моем появлении парень воровато дернулся и спрятал деревяшку на груди. Однако нынче его загадочные действия не пробудили во мне никакого интереса. Не до того, знаете ли, было — к гудению конечностей прибавился еще и шум в голове, видимо, там раскладывались по полочкам полученные от Зарайи сведения. Я молча погасил лампу и вскарабкался на свое место, предвкушая завтрашнюю боль в перетруженных мышцах. Бродяга, как обычно, появившийся ниоткуда, водрузился мне на грудь, немного посветил в темноте желтыми площадками глаз, а потом мирно захрапел. Тошнота, пожалуй, была единственным недугом, который не вгрызался сейчас в мое тело, и у меня мелькнула мысль: а не спихнуть ли кота вниз?

Но руки, жалобно просившие отдыха, не желали подниматься, и я решил считать зверя неизбежным злом. Пусть его, хоть какой—то кусочек родного дома, если вдуматься...

Серый мир: тусклое, застиранное низкое небо, потрескавшаяся земля цвета пепла, жухлая ломкая трава. Низкий берег реки, свинцовые воды которой словно застыли в неподвижности. Густой, тяжелый воздух с горьковатым привкусом полыни. Здесь время тянется бесконечно долго, а может быть, его вовсе нет. В нескольких шагах от меня лицом к реке сидит женщина. Я вижу только ее узкую спину, обтянутую мышиноного цвета платьем, и – неожиданно ярким пятном – вольно рассыпавшиеся по плечам пышные рыжие волосы. Они – как гречишный мед, как беличья шкурка, как пламенеющие осенние листья. Я шагаю вперед, охваченный незапным желанием увидеть лицо незнакомки, но воздух становится вязким, как болотная жижа. Преодолевая его сопротивление, делаю еще шаг и кричу, кричу... Маленькие комочки умирающих звуков прилипают к неживому пространству. Женщина не оборачивается и не двигается, лишь по ее волосам, подобно бусинам из Солнечного камня, рассыпаются огненные блики. Откуда это сияние, ведь в сером небе нет светила? С огромным трудом шагаю еще. Я хочу видеть твоё лицо, прекрасная! Обернись, дай мне взглянуть в твои глаза!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.